

Великосветская дама

Автор:

[Стефани Лоуренс](#)

Великосветская дама

Стефани Лоуренс

Империя любви – HarlequinРегентство #3

После смерти отца Джорджиана Хартли возвращается домой из солнечной Италии. По приезде она узнает, что родовое поместье унаследовал ее несносный кузен Чарльз. Жизнь под одной крышей с навязчивым сластолюбцем становится невыносимой. Под покровом ночи девушка бежит из Хартли-Плейс в надежде получить место компаньонки у владелицы соседнего поместья. Прибыв в Кэндлвик-Холл, Джорджиана узнает, что домом единолично владеет лорд Доминик Риджли, пятый виконт Элтон – безупречный красавец и убежденный холостяк. Печальная история прелестной мисс Хартли тронула бывалого ловеласа. Предоставив юной леди рекомендательное письмо, он отправляет Джорджиану в Лондон к своей сестре Белле. Скучающая леди Уинсмер с энтузиазмом берется за обучение девушки светским премудростям, обновляет ее гардероб, вводит в лучшие дома Лондона. Навещая сестру, лорд обнаруживает, как изменилась и похорошела его протеже. Сердце Доминика переполняет любовь, однако сможет ли он признаться в чувствах и воплотить мечты Джорджианы о счастье?..

Стефани Лоуренс

Великосветская дама

Роман

Stephanie Laurens

Impetuous Innocent

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © 1994 by Stephanie Laurens

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

– Джорджи? Джорджи! Открой немедленно дверь! Ах, ну давай же, Джорджи. Я лишь хочу приласкать тебя немножко и поцеловать. Ты слышишь, Джорджи? Впусти меня!

Хрупкая маленькая Джорджиана Хартли сидела в одежде на огромной кровати, скрестив ноги. В мерцающем пламени единственной свечи ее белокурые волосы, собранные в элегантный узел, отливали золотом. В больших ореховых глазах, неотрывно глядящих на дверь комнаты, читалось раздражение, а мягкие губы были неодобрительно поджаты. Чарльз становится совершенно невыносимым.

Шел седьмой день ее пребывания в Англии и четвертый – в Хартли-Плейс, доме ее предков и месте проживания Чарльза. Уже третий вечер подряд ей приходилось в ранний час запирается в своей комнате, ища спасения от пьяного, назойливого Чарльза.

Так случилось и сегодня.

Положив подушку себе на колени, Джорджиана уперлась в нее локтями и тут же наморщила носик, почувствовав исходящий от нее запах плесени. Мысленно она отругала себя за очередное проявление врожденной импульсивности, которая заставила ее покинуть солнечный климат итальянского побережья и вернуться на родину. С другой стороны, после смерти отца это казалось самым разумным решением. Глубоко вздохнув, она уперлась подбородком в ладони, по-прежнему не сводя глаз с двери. Чарльз больше не кричал, но она знала, что он все еще там, поджидает, не предпримет ли она попытки ускользнуть.

Отец Джорджианы Джеймс Хартли, художник и большой жизнелюб, оставил ее, своего единственного ребенка, на попечении брата Эрнеста, обитающего в

Хартли-Плейс. К несчастью, тот умер спустя месяц после смерти Джеймса. Джорджиана хлюпнула носом. Вообще-то она должна была оплакивать уход дяди, но как же трудно испытывать чувства к человеку, с которым так и не довелось познакомиться лично. К тому же она до сих пор скорбела по отцу, кончина которого стала для нее сокрушительным ударом. Обстоятельства сложились не в ее пользу, так что она сама приплыла в руки к Чарльзу. Итальянский адвокат Джеймса Хартли получил весть о смерти Эрнеста с опозданием, поэтому не сумел предотвратить порывистого отъезда Джорджианы из прекрасного города Равелло, двенадцать лет бывшего для нее домом, а в последнее время сопряженного с болезненными воспоминаниями. По прибытии в Хартли-Плейс Джорджиана узнала, что теперь его хозяином является сын дяди Эрнеста Чарльз, которого она также совершенно не знает. И который в настоящий момент снова принялся барабанить в массивную дубовую дверь, грозя выбить ее. Глаза Джорджианы расширились от тревоги. Ей оставалось только надеяться, что хлипкий замок и древние железные петли выдержат натиск пьяного кузена.

– Ну, Джорджи, не будь такой скромницей. Тебе понравится, обещаю. Мы с тобой всего лишь немножко развлечемся.

Джорджиана услышала, как Чарльз громко икает.

– Это ничего. Ты же знаешь, что я женюсь на тебе. Впусти меня, и мы завтра же поженимся. Ты слышишь, Джорджи? Давай открывай дверь, говорят тебе!

Джорджиана решительно подавила дрожь отвращения. Стать женой Чарльза? Она поспешно отогнала эту мысль, стараясь не поддаваться панике. Для утраты самоконтроля время сейчас совершенно неподходящее.

Дверь сотрясалась от мощных попыток Чарльза снести ее с петель. Глаза Джорджианы стали совсем круглыми. Под непрекращающимся градом ударов она осмотрелась по сторонам в поисках какого-нибудь средства самообороны, но не нашла ничего, даже подсвечника. Смирившись, она снова перевела взгляд на тяжелую дубовую дверь, философски решив ждать исхода, каким бы он ни был. Джорджиана была уверена, что ей удастся так или иначе справиться с ситуацией.

Дверь не поддалась. Нанеся еще один удар плечом, Чарльз оставил попытки.

– Будь ты проклята, Джорджи! Тебе некуда деваться! Все равно от меня не сбежишь. Рано или поздно тебе придется сдаться. – Он пьяно глумливо расхохотался. – Вот увидишь.

Из коридора донесся звук удаляющихся нетвердых шагов – это Чарльз, безумно смеясь, отправился в свою спальню.

Джорджиана вскинула брови. Она продолжала сидеть на кровати, прислушиваясь. Когда по истечении пяти минут из-за двери не донеслось ни единого звука, девушка отбросила подушку в сторону и опустила ноги на неполированные половицы. Озадаченно хмуря брови, она стала расхаживать взад и вперед по комнате. Некуда деваться?

За окном свистел и стонал ветер, раскачивая портьеры в попытке ворваться в комнату через щели в неплотно закрытых ставнях. Джорджиана рассеянно взяла с кровати лоскутное одеяло и, накинув себе на плечи, стала оценивать возможные варианты дальнейшего развития событий. Их оказалось на удивление немного. В Англии она никого не знала, и ей не к кому было обратиться за помощью. Но в одном Джорджиана была абсолютно уверена: здесь оставаться нельзя, в противном случае Чарльз в самом деле принудит ее стать его женой. Не может же она до конца жизни прятаться за закрытыми дверями!

Решив, что пришло время проявить несгибаемый характер, позволивший ей пересечь континент целой и невредимой, девушка откинула одеяло в сторону, подошла к гардеробу и, распахнув дверцу, с трудом вытянула свой громоздкий, перетянутый ремнем сундук. Подтащив его к кровати, открыла тяжелую крышку.

Тут у двери раздался скребущий звук, напугавший ее.

Джорджиана медленно выпрямилась, недоверчиво глядя на растрескавшиеся дубовые панели.

Стук повторился.

– Мисс Джорджи? Это я, Крукшэнк.

Джорджиана, до сих пор сдерживающая дыхание, выдохнула и пошла открывать. Ей пришлось приложить усилия, чтобы повернуть ключ в замке. Наконец, пружина подалась, и, с силой потянув на себя, она распахнула дверь.

– Крукерс! Слава богу, ты пришла! А я-то думала, как тебя позвать.

Мария Крукшэнк презрительно фыркнула. Эта высокая, сухопарая, облаченная в черное траурное платье дама с убранными в тугой узел седыми волосами прежде служила горничной у матери Джорджианы, а теперь заменяла самой Джорджиане семью.

– Как будто бы я сама не прибежала, услышав такой шум. Я вам сто раз говорила, что, хоть Чарльз и ваш кузен, человек он дурной. Теперь-то вы мне верите?

Вместе они захлопнули дверь. Заперев замок, Крукшэнк посмотрела в милое, как у ребенка, личико своей любимицы и, уперев руки в бока, мрачно нахмурилась.

– Надеюсь, мисс Джорджи, что вы уже и сами в этом убедились. Нужно покинуть этот дом, потому что он вам совсем не подходит. Как и его хозяин, впрочем. Великий боже, ваш отец совсем не такой участи для вас желал, нет-нет!

Улыбнувшись, Джорджиана повернулась к кровати.

Округлив глаза, Крукшэнк набрала в легкие побольше воздуха, готовясь отражать яростную атаку возражений, но тут заметила раскрытый сундук и с шумом выдохнула.

– Вот оно что.

Джорджиана заулыбалась еще шире.

– Именно. Мы уезжаем. Иди помоги мне.

Крукшэнк не нужно было просить дважды. Десять минут спустя все пожитки Джорджианы были упакованы. Пока Крукшэнк затягивала ремни сундука, Джорджиана уселась на его крышку, отрешенно покусывая ноготь и обдумывая

план побега.

– Знаешь, Крукерс, мне кажется, что выезжать надо на рассвете, а сейчас можно немного вздремнуть. Я останусь здесь, а ты спустишься вниз и предупреди Бена. Чарльз, должно быть, уже спит беспробудным сном, так что мне ничто не грозит.

Джорджиана ожидала возражений, но Крукшэнк лишь фыркнула и поднялась на ноги.

– Вот уж что верно, то верно. Целый графин бренди он в себя влил, так что еще не скоро проснется.

Ореховые глаза Джорджианы расширились от ужаса.

– В самом деле? Боже мой! – Покачав ногами в воздухе, она спрыгнула на пол. – Что ж, тем лучше. Чем дольше он будет спать, тем дальше мы сможем уехать.

Крукшэнк еще раз пренебрежительно фыркнула.

– Думаете, он бросится в погоню?

Джорджиана обеспокоенно нахмурилась:

– Я правда не знаю. Он говорит, что является моим опекуном, хотя я и не понимаю, как такое возможно. – Она бросилась на кровать, одной рукой убирая упавшие на лоб золотистые локоны. – Все это так странно, – в замешательстве добавила девушка.

Крукшэнк присела на краешек кровати и успокаивающим жестом потрепала Джорджиану по плечу.

– Не тревожьтесь, мисс Джорджи. Мы с Беном позаботимся о вашей безопасности.

Благодарно улыбнувшись, Джорджиана положила руку поверх крупной ладони горничной.

– Да, конечно. Не знаю, что бы я делала без вас, моих преданных сторожей.

Непреклонные черты лица Крукшэнк смягчились, когда она посмотрела своими поблекшими голубыми глазами в яркие ореховые глаза своей воспитанницы.

– Что ж, милая, есть ли у вас какие-нибудь идеи о том, куда нам следует отправиться?

Джорджиана тщательно обдумывала этот вопрос последние три дня, но так и не пришла ни к какому заключению. Однако тон ее голоса был решительным и твердым, когда она произнесла:

– Ничего конкретного. Полагаю, самое лучшее, что я могу сделать, это предаться милости какой-нибудь живущей по соседству леди. Должен же кто-то в округе помнить папу или дядю Эрнеста. Ну, или мне хотя бы что-нибудь посоветуют.

Крукшэнк поморщилась, но спорить не стала.

– Незадолго до рассвета я вернусь вместе с Беном, который заберет сундук. А вы пока отдохните. Для одной ночи переживаний у вас было предостаточно.

Джорджиана покорно позволила горничной надеть на себя ночную сорочку и легла в постель. Крукшэнк накрыла ее стеганым одеялом и заправила простыню под матрас, снова пренебрежительно фыркая.

– Хотя этот дом и принадлежал некогда вашему деду, мисс, позволю себе заметить, что условия тут оставляют желать лучшего. – Бросив прощальный высокомерный взгляд на старенькое постельное белье, Крукшэнк, тяжело ступая, побрела к двери.

– Я вас на всякий случай запру.

На время избавившись от угрозы со стороны Чарльза и определив план действий на ближайшее будущее, Джорджиана почувствовала усталость. Вздохнув, она поудобнее устроилась на матрасе, свернувшись калачиком, чтобы согреться. Из-под отяжелевших век девушка наблюдала за тем, как верная Крукшэнк закрывает дверь. Замок нехотя встал на место. Широко зевнув, Джорджиана

задула свечу.

- Ш-ш-ш!

Приложив палец к губам, Крукшэнк указала на дверь, виднеющуюся впереди в тускло освещенном коридоре.

Джорджиана понимающе кивнула, крадучись проходя мимо комнаты, где храпели в унисон пьяная неопрятная экономка Чарльза миссис Прингейт и ее муж. Джорджиана никак не могла взять в толк, зачем он вообще нанял эту чету. Им, казалось, было не известно ровным счетом ничего об управлении хозяйством. Однако после смерти дяди Эрнеста все прежние слуги уволились, а найти новых в сельской местности было задачей не из легких. Даже на неискушенный взгляд Джорджианы Хартли-Плейс пребывал в плачевном состоянии, что лишь осложняло задачу по подбору опытного обслуживающего персонала.

Мысленно содрогнувшись, она поспешила дальше. Обшарпанный коридор вывел ее в огромную кухню с каменным полом. Крукшэнк попыталась открыть тяжелую дверь черного хода. Наконец, ей это удалось. Во влажном тумане раздалось ржание лошади. Приободренная этим звуком, Джорджиана поспешила во двор. Крукшэнк следовала за ней по пятам.

Дорожный экипаж Джорджианы, в котором она совершила длительное путешествие из Италии, старенький и потрепанный, но еще вполне в рабочем состоянии, ожидал посреди замшелого двора, запряженный двумя крепкими лошадьми серой масти. Прежде чем сесть в экипаж, Джорджиана ласково погладила каждую по морде.

Когда Крукшэнк устроилась на сиденье напротив, а Бен захлопнул за ними дверцу, Джорджиана устало откинула голову на кожаную подушку. Она-то мечтала отдохнуть после езды по ухабистым континентальным дорогам! Верно, что дороги в Англии пребывают в гораздо лучшем состоянии, но все же она надеялась продолжительное время чувствовать твердую почву под ногами и сидеть на более мягких, чем в экипаже, сиденьях. Судьба, однако, распорядилась по-иному.

Карета покачнулась, когда Бен забрался на козлы и без привычного свиста пустил лошадей вскачь. Тихо выехав со двора, они повернули на аллею.

Экипаж неспешно катился вперед, преодолевая милю за милей, и Джорджиана снова задумалась о царящих в Хартли-Плейс странных порядках. Старый хозяйский дом находится на обширной территории, сплошь поросшей сорняками, среди давно заброшенных полей и лугов. Во всяком случае, ей так показалось. Подняв оконную шторку, она посмотрела на занимающийся рассвет. Нигде не видно пасущихся животных. Заборы сломаны, ворота косо висят на расшатанных петлях. На всем лежит налет запустения. Поместье явно переживает не лучшие времена. Джорджиана была уверена, что ее отцу не было известно о том, в каком состоянии находится семейное владение, в противном случае он никогда не предложил бы ей туда отправиться в поисках убежища. Или, наоборот, попытался бы сделать что-то, чтобы вернуть Хартли-Плейс былое величие.

Когда экипаж оказался на вершине холма, отмечающего границу поместья, Джорджиана, выглянув в окно, в последний раз посмотрела на серые крыши Хартли-Плейс. В следующее мгновение лошади стремглав помчались вниз, и деревья скрыли его из вида. За три дня она увидела достаточно, чтобы понимать, что поместье уже не спасти.

Джорджиана сожалела лишь о том, что не сумела отыскать коллекцию картин, которую, как утверждал отец, он там оставил. Всего около двадцати законченных полотен. Из них Джорджиану по-настоящему интересовало лишь одно – портрет ее матери, который отец написал вскоре после того, как они поженились. Он любил повторять, что это самое лучшее выполненное им изображение его жены. Джорджиане очень хотелось снова увидеть лицо своей доброй матери, которое со временем подернулось дымкой в ее воспоминаниях. Чарльз утверждал, что о картинах ему ничего не известно, а ее собственные тайные поиски ничего не дали. Так как она не собиралась дольше оставаться под одной крышей с кузеном, полотна и вовсе были навсегда для нее потеряны. Джорджиана философски вздохнула. Понимание того, что она поступила правильно, ничуть не уменьшило желания заполучить портрет матери.

Ведущая к Хартли-Плейс аллея была длинной и извилистой. Обогнув границу соседнего имения, она, наконец, слилась с дорогой на Степл-Клэйдон. Утренний туман рассеялся к тому времени, как экипаж подъехал к деревеньке под названием Элтон-Райз, состоящей из горстки домов, жмущихся друг к другу у

перекрестка. Бен осадил лошадей у крошечного постоянного двора и, спрыгнув с козел, подошел к окну экипажа.

Джорджиана откинула шторку и выглянула наружу.

– Узнай, где живет ближайший мировой судья. Если окажется, что очень далеко, спроси о крупном землевладельце по соседству.

Кивнув, Бен скрылся из вида. Спустя десять минут он вернулся с новостями.

– Говорят, нам лучше всего ехать в Кэндлвик-Холл, хозяином которого является некий важный столичный господин – лорд Элтон. Его род проживает здесь уже много поколений, так что вариант беспроигрышный. Хозяйка постоянного двора уверяет, что к нему вполне можно обратиться за помощью.

– Боже мой, Бен! – воскликнула Джорджиана, в ужасе глядя на своего верного кучера. – Ты же не рассказал им о?...

Бен лишь плечами пожал:

– Это для них не новость. Ваш кузен тут не в чести, как я погляжу.

Джорджиана задумалась. Поверить в это было нетрудно. Чарльз всего за три дня продемонстрировал ей себя во всей красе.

– Далеко ли до Кэндлвик-Холла?

– Всего-то пара миль, – ответил Бен, забираясь на козлы.

Экипаж тронулся, и Джорджиана мысленно принялась репетировать речь, с которой обратится к хозяйке поместья леди Элтон. Нужно, без сомнения, быть предельно честной. Она еще не решила, какой именно помощи просить у ее светлости. Но ведь леди Элтон, по крайней мере, сможет порекомендовать ей отель в Лондоне, в котором можно остановиться без опасений.

Выехав на хорошую дорогу, экипаж покатился быстрее, а потом, резко свернув влево, снова замедлил ход. Это привлекло внимание Джорджианы, заставив

отвлечься от своих мыслей. Придвинувшись поближе к окну, она скатала шторку и закрепила ее на раме, чтобы ничто не мешало рассматривать окружающий пейзаж, который, к слову сказать, сильно отличался от пейзажа Хартли-Плейс. Нигде не было видно ни следа упадка. Перед ней расстилались ухоженные поля, на пастбищах паслись овцы и крупный рогатый скот. Во всем чувствовалась мудрая рука хозяина. Даже солнце пробивалось из-за туч, чтобы даровать свое благословение и осветить эту мирную сценку яркими красками.

Парк Кэндлвик-Холла впечатлил Джорджиану еще больше. На высоких стойках массивных ворот несли стражу два внушительных каменных орла, а сами ворота из кованого железа стояли распахнутыми настежь. Здесь начиналась аккуратная гравийная дорога, вьющаяся между двумя рядами буков. Лошади, по достоинству оценившие ровную поверхность, благодарно неслись рысью вперед. Осматриваясь по сторонам, Джорджиана не переставала восхищаться. Именно такой она и представляла себе загородную резиденцию английского джентльмена, с аккуратно подстриженными кустами и лужайками и искусственным озером, в центре которого имеется островок с белым летним домиком. Все вокруг дышало покоем и умиротворением. Когда экипаж совершил поворот, Джорджиана заметила проблеск цвета среди зелени и догадалась, что дом уже близок. Посмотрев в окошко с противоположной стороны, она удивленно округлила глаза, а губы от восторга сами собой сложились в форме буквы «О».

Перед ней возвышался Кэндлвик-Холл, трехэтажное здание с квадратными окнами, кремовые каменные стены которого были местами скрыты яркими вьющимися растениями. Ступени крыльца сбегали прямо на гравийную подъездную аллею. В утреннем свете этот прочный дом казался окутанным покрывалом безмятежности, что особенно тронуло сердце Джорджианы. Кэндлвик-Холл являлся воплощением всего того, что она так стремилась найти по возвращении в Англию.

Экипаж замедлил ход и наконец остановился перед белокаменной лестницей, ведущей к массивной двустворчатой двери. Спрыгнувший с козел Бен помог Джорджиане выйти из экипажа и подняться по ступеням. Он постучал в тяжелый дверной молоток.

Глядя на прочную деревянную дверь, Джорджиана была вынуждена признать, насколько проще казалась ей идея обратиться за помощью к незнакомой леди вчера ночью, когда она сидела у себя на кровати. Однако воспоминаний о

поползновениях Чарльза было достаточно, чтобы придать ей уверенности в себе. Заслышав приближающийся звук шагов, она сделала глубокий вдох и улыбнулась.

– Что вам угодно? – произнес величественный дворецкий, глядя на нее сверху вниз.

– Доброе утро. Меня зовут Джорджиана Хартли. Я хотела бы поговорить с леди Элтон.

Тон собственного голоса порадовал Джорджиану. Она говорила четко и уверенно, хотя внутренне вся трепетала. Если дворецкий ведет себя столь церемонно, какова же тогда его хозяйка? Джорджиана ждала, вздернув подбородок.

Дворецкий не трогался с места, оценивающе глядя на нее. Джорджиана почувствовала, как уверенность покидает ее, растворяется, подобно утреннему туману на солнце. Когда она совсем было решила, что он туговат на ухо и нужно повторить просьбу погромче, он довольно дружелюбно улыбнулся ей и с поклоном произнес:

– Соизвольте подождать в гостиной, мисс Хартли. Я немедленно извещу лорда Элтона.

Окрыленная успехом, Джорджиана уже перешагнула через порог, когда до нее дошел смысл сказанного. Она резко остановилась.

– Ах, но ведь я хочу поговорить с леди Элтон.

– Разумеется, мисс. Присядьте, прошу вас.

Повинуясь уважительному и интригующему тону безукоризненного дворецкого, Джорджиана позволила отвести себя в прекрасно обставленную комнату и села на стул. Удостоверившись, что она не желает прохладительного напитка, дворецкий с достоинством удалился.

Испытывая легкое головокружение, Джорджиана осмотрелась по сторонам. Внутреннее убранство Кэндлвик-Холла ничуть не уступало роскошному фасаду здания. Человек, занимавшийся обстановкой комнаты, был наделен превосходным вкусом и чувством стиля, ему удалось создать такую же, как и в саду, атмосферу спокойствия и безмятежности. Скользящий по комнате взгляд ореховых глаз Джорджианы остановился на висящей над каминной полкой картине большого размера, которой хозяева, судя по всему, очень гордились. Будучи дочерью художника, она не могла не восхититься полотном кисти Фрагонара, но была удивлена, что картина, на которой изображено много обнаженной женской плоти, выставлена на всеобщее обозрение. Джорджиана подумала, что частный кабинет явился бы куда более подходящим местом для подобного полотна, но тут же напомнила себе, что ей ничего не известно о причудливых вкусах английских аристократов. Одно не вызывало сомнений – этот Фрагонар действительно являлся выдающимся произведением искусства.

Мягкая цветовая гамма комнаты ласкала глаз и успокаивала сознание, помогала расслабиться. Улыбнувшись про себя, Джорджиана откинулась на спинку стула. Кэндлвик-Холл, похоже, создан специально для того, чтобы умиротворять страждущие души. Она благодарно вздохнула.

Три практически бессонных ночи давали о себе знать. Веки Джорджианы отяжелели и закрылись. Всего на мгновение.

– Вас хочет видеть молодая леди, милорд.

Доминик Риджли, пятый виконт Элтон, окинул дворецкого внимательным взглядом голубых глаз. На полированной поверхности стола красного дерева неммым свидетельством недавнего плотного завтрака стояла посуда и лежали приборы, потесненные, однако, в сторону, чтобы освободить место стопке писем, одно из которых его светлость держал в руке.

– Прошу прощения?

– Вас хочет видеть молодая леди, – невозмутимо повторил дворецкий. На его лице при этом не дрогнул ни единый мускул.

Лорд Элтон удивленно вскинул черные брови. Черты его лица сделались более суровыми, а взгляд голубых глаз – ледяным.

– Дакетт, вы сошли с ума?

Подобный вопрос, да еще и заданный столь высокомерным тоном, поверг бы большинство слуг в состояние полнейшего ужаса и заставил бы нечленораздельно оправдываться, но Дакетт был наделен безграничным чувством собственного достоинства и знал к тому же нынешнего лорда Элтона еще с колыбели.

– Разумеется, нет, – с едва заметной улыбкой произнес он.

Такой ответ, похоже, успокоил лорда Элтона. Он озадаченно посмотрел на своего дворецкого, затем нахмурился:

– Итак?

Дакетт поспешил объяснить:

– Похоже, молодая леди находится в затруднительном положении, и ей требуется помощь, милорд. Она явно чем-то расстроена и желает видеть леди Элтон. Я счел за лучшее не прогонять ее прочь. Ее зовут мисс Хартли.

– Хартли? – Черные брови лорда Элтона поползли вниз. – Но ведь в соседнем поместье нет никаких мисс Хартли, так ведь?

Прочтя появившееся на лице его светлости удивление, Дакетт снисходительно пояснил:

– Я слышал, что последние несколько дней дочь мистера Джеймса Хартли гостит в Хартли-Плейс. Полагаю, она прибыла с континента.

– И жила с этим ужасным Чарльзом? Бедная девушка.

– Именно, милорд.

Лорд Элтон наградил Дакетта подозрительным взглядом.

– Вы сказали, что она расстроена. Это ведь не означает, что она рыдает или, того хуже, готова вот-вот упасть в обморок?

– О нет, милорд. Мисс Хартли прекрасно владеет собой.

Его светлость нахмурился еще сильнее.

– Почему же в таком случае вы решили, что она расстроена?

Дакетт слегка покраснел.

– Я понял это по ее рукам, милорд. Она с такой силой сжимала ручку своего ридикюля, что побелели костяшки пальцев.

Впечатленный пронизательностью дворецкого, лорд Элтон откинулся на спинку стула и с отсутствующим видом положил письмо, которое держал в руке, поверх стопки. Потом снова поднял голову.

– Полагаете, мне стоит с ней встретиться?

Дакетт посмотрел в глаза хозяину. Вопрос был предельно ясен. Любой, кто знаком с лордом Элтоном, тут же догадался бы о том, что дело носит чрезвычайно деликатный характер. Для леди считалось совершенно неподобающим находиться наедине с джентльменом без присмотра другой леди, да еще и дома у вышеупомянутого джентльмена. Консерватор вроде Дакетта ни за что бы подобного поведения не одобрил. Ситуация становилась еще более сомнительной, учитывая, что джентльменом является лорд Доминик Элтон. Но Дакетт был весьма пронизательным человеком. Мисс Хартли явно попала в беду и пребывает в смятенных чувствах, а его светлость может помочь ей. Какие бы слухи ни ходили о его репутации, с ним она будет в полной безопасности. Она слишком юна, совсем почти девочка, и вообще не в его вкусе. Откашлявшись, Дакетт, объявил:

– Несмотря на... э-э-э... общепринятые правила поведения, милорд, я действительно считаю, что вам стоит с ней встретиться.

Вздыхнув, лорд Элтон встал из-за стола во весь свой шестифутовый рост и потянулся. Отвернув обшлага рубашки, он надел темно-синий сюртук, подчеркивающий его широкие плечи, и, посмотрев на Дакетта, предупреждающе погрозил ему пальцем.

– Если разразится скандал, старина, это будет целиком на вашей совести.

Усмехнувшись, дворецкий распахнул дверь для хозяина.

– Как скажете, милорд. Леди ожидает в гостиной.

Бросив последний взгляд на Дакетта, лорд Элтон вышел и зашагал через холл.

Джорджиане приснился тревожный сон, в котором она превратилась в одну из нимф с полотна Фрагонара. Вместе со своими безымянными сестрами она беспечно резвилась на лесной опушке. Прохладный ветерок обдувал ее обнаженную кожу. Внезапно она поняла, что за ней кто-то наблюдает, и резко остановилась. Густо покраснев, она осмотрелась по сторонам, но никого не обнаружила, однако чувство постороннего присутствия лишь усилилось. Она открыла глаза.

И удивленно уставилась в чьи-то глаза небесно-голубого цвета.

Мгновение спустя Джорджиана осознала, что эти глаза принадлежат мужчине. Она задержала дыхание, не вполне уверенная, грезит ли еще или уже проснулась. Наблюдающий за ней мужчина, во взгляде которого светилось неприкрытое восхищение, показался ей божеством, еще более волнующим, чем ее эротический сон. Он был широкоплеч, высок, худощав и мускулист, с четко очерченными чертами лица, что особенно нравится художникам. Его густые черные волосы, ниспадающие волнами, несколько смягчали решительный квадратный подбородок. Плотные сжатые губы хранили намек на улыбку, а ярко-голубые глаза в обрамлении ресниц, слишком длинных и густых для мужчины, смотрели с интересом.

– О!

Это был самый связный ответ, который Джорджиана могла дать.

Прекрасное видение улыбнулось ей, заставив ее сердце встрепенуться в груди.

– Вы так мирно спали, что мне не хотелось будить вас.

Глубокий теплый тон его голоса окутал Джорджиану, точно бархатное покрывало. Она с трудом выпрямилась, принуждая свой разум и тело к работе.

– Мне... мне очень жаль. Я, должно быть, задремала. Я ожидала леди Элтон.

Джентльмен отступил на шаг и элегантно оперся рукой о каминную полку, поставив одну обутую в сапог ногу на решетку. При этом он не сводил с лица Джорджианы голубых глаз, приводя ее в смущение.

– Очень жаль вас разочаровывать, – с улыбкой произнес мужчина, показывая, что на самом деле ему ни капельки не жаль. – Позвольте представиться. Лорд Доминик Элтон, всецело к вашим услугам. – Сверкая глазами, он отвесил ей поклон. – Увы, я еще не женат, поэтому никакой леди Элтон не существует.

– Ах, какая жалость!

Страдальческий тон ее голоса удивил Доминика. Он не привык слышать подобные заявления из уст красивых молодых женщин. Его губы изогнулись в усмешке, в глазах вспыхнули веселые искорки.

– Действительно.

Доминик тут же поймал на себе испуганный взгляд ее ореховых глаз. Девушка, похоже, так и не поняла, сколь двусмысленно выразилась, и Доминик отказался от намерения просветить ее на этот счет. Давая оценку ее состоянию, Дакетт ничуть не ошибся. Хотя она и сидела спокойно, а не билась в истерике, как поступило бы на ее месте большинство женщин, Доминик не сомневался, что гостя действительно пребывает в смятении и не знает, что делать. Об этом свидетельствовало выражение ее огромных ореховых глаз. Доминик ласково улыбнулся:

– Насколько я могу судить, у вас имеется какая-то проблема. Возможно, я сумею помочь?

Этот вежливый вопрос взволновал Джорджиану. Как же ей все объяснить мужчине?

– Э-э-э... не думаю...

Девушка встала со стула, крепко прижимая к себе ридикюль, и тут ее взгляд снова упал на висящего на стене Фрагонара. Она замерла на месте. Что за мужчина, да еще и холостяк к тому же, станет помещать столь скандальное полотно в гостиной на всеобщее обозрение? Испугавшись собственных соображений по этому поводу, Джорджиана могла думать только о бегстве.

Она и не подозревала, что все ее мысли отчетливо отражаются у нее на лице, и стоящий перед ней искушенный джентльмен без труда читает их. Опыт подсказывал Доминику, что нужно позволить девушке уйти, тем самым покончив с этим делом, но некий причудливый и совершенно неожиданный порыв подстрекал узнать историю этой восхитительной крошки, волею судьбы оказавшейся на пороге его дома. Кроме того, ему совсем не понравилось ее предположение о том, что он не в состоянии ей помочь. Выпрямившись в полный рост, он пронзил ее суровым взглядом.

– Дорогая мисс Хартли, надеюсь, вы не собираетесь заявить, что... сомневаетесь в моей способности оказать вам содействие... даже не посвятив меня в суть проблемы.

Джорджиана удивленно заморгала. Именно это она и намеревалась сказать. Чувствуя, что земля уходит у нее из-под ног, она пыталась придумать благовидный предлог для немедленного ухода.

Лорд Элтон снова улыбнулся. Удивительно, но прежде ей никогда не доводилось встречать человека, чья улыбка согревала бы ее так, как его.

– Прошу вас, присядьте, мисс Хартли. Не хотите ли выпить чего-нибудь освежающего? Нет? Тогда поведайте мне, в чем заключается ваше затруднение. Меня не так-то легко шокировать, даю слово.

Посмотрев в его голубые светящиеся невинностью глаза, Джорджиана снова села на стул и задумалась, как ей дальше поступить. Если она уйдет, не попросив лорда Элтона о помощи, то где сможет ее получить? Что еще более важно, где сейчас находится Чарльз? Эта мысль заставила ее начать говорить:

– Вообще-то я хотела попросить совета, что мне делать, оказавшись в... в подобной ситуации. – Джорджиана замолчала, гадая, насколько детальным должно быть ее объяснение.

– Что за ситуация? – мягко уточнил его светлость, побуждая ее продолжать.

Потребность рассказать кому-то о том, что ее волнует, была столь сильна, что Джорджиана, мысленно пожав плечами, решила забыть об осторожности.

– Я недавно вернулась в Англию с континента. Последние двенадцать лет я жила в Италии со своим отцом, Джеймсом Хартли. Несколько месяцев назад он скончался, и я осталась на попечении дяди, Эрнеста Хартли.

Джорджиана подняла голову. На лице лорда Элтона было написано сочувствующее выражение. Он ободряюще кивнул ей, и, сделав глубокий вдох, она продолжила:

– Я немедленно приехала в Англию, так как... не хотела оставаться в Италии. По прибытии в Хартли-Плейс я узнала, что дядя умер через месяц или около того после моего отца. Теперь поместье принадлежит кузену Чарльзу.

Джорджиана замаялась.

– Смеею заметить, что я поверхностно знаком с Чарльзом Хартли и не считаю, что молодой леди вроде вас безопасно находиться с ним под одной крышей, – холодным отрешенным голосом произнес лорд Элтон, заставив Джорджиану покраснеть.

Заметив румянец на ее щеках, Доминик понял, что недалек от истины.

Не сводя глаз с неразожженного камина, Джорджиана с трудом продолжила:

– Мне неловко говорить об этом, но у Чарльза, похоже, возникла навязчивая идея. В общем, – добавила она, отчаянно подбирая слова, – он пытался силой заставить меня стать его женой. Я покинула его дом сегодня на рассвете.

Подняв голову, она встретилась взглядом с его светлостью.

– В Англии у меня нет никого, к кому я могла бы обратиться за помощью, милорд. Я надеялась спросить у вашей жены совета о том, как мне быть дальше.

Доминик внимательно смотрел в лицо девушки с большими доверчивыми ореховыми глазами. Почему-то он уже знал, что поможет ей. Не обращая внимания на внутренний голос, нашептывающий, что это сущее безумие, он поинтересовался:

– У вас имеются собственные соображения на этот счет?

– Ну, я подумывала о том, чтобы отправиться в Лондон. Возможно, сумею устроиться компаньонкой к какой-нибудь пожилой леди.

Доминик чуть было не содрогнулся, но сумел подавить этот порыв. Этому восхитительному созданию никогда не устроиться на подобную работу, подумал он. Джорджиана сплетала и расплетала пальцы, сосредоточив на них свое внимание, и Доминик воспользовался моментом, чтобы как следует ее рассмотреть. Ее серое платье сидело великолепно, обрисовывая восхитительную грудь, юную, высокую, упругую. Ее кожа имела персиково-сливочный оттенок. Так как мисс Хартли сидела, он не мог оценить ее ноги, но, судя по маленьким ступням, они, должно быть, длинные и стройные. Платье скрывало ее талию, зато подчеркивало изгиб бедер. Если Джорджиана Хартли попадет в Лондон, нетрудно догадаться, где она в конечном итоге окажется. Такой исход Доминику был совсем не по вкусу. Девушка снова посмотрела на него чистосердечным взглядом.

– У меня есть собственные горничная и кучер. Возможно, это зачтется в мою пользу.

В ее пользу? Компаньонка с собственной горничной и кучером? Доминик сумел сохранить непроницаемое выражение лица. Не было смысла сообщать ей, сколь нелепы ее идеи, так как компаньонкой ей все равно не быть. Во всяком случае,

раз уж он берется за дело. Жизнь компаньонки, влачащей жалкое существование – она не является ни прислугой, ни членом семьи, – совсем не подходит для мисс Хартли.

– Мне нужно подумать, что я смогу предпринять в вашем случае. Поспешное решение редко оказывается удачным. Я всегда предпочитаю прежде все тщательно обмозговать, а уж потом действовать, ведь пути назад не будет.

«Ты только послушай себя!» – кричал его внутренний голос.

Доминик мягко улыбнулся:

– Предлагаю вам часок-другой провести в обществе моей экономки, пока я взвешу возможные варианты. – Его улыбка стала еще шире. – Поверьте мне, этих вариантов несколько.

Джорджиана недоуменно заморгала, не вполне уверенная, как понимать его слова. Ей оставалось лишь надеяться, что она не прыгнула из огня в полымя. Но ведь его светлость намерен препоручить ее заботам своей экономки, что едва ли соответствовало образу, возникшему в ее воображении. Однако имелась и еще одна проблема.

– Чарльз, возможно, станет меня преследовать.

– Уверяю вас, что у меня Чарльз точно не будет вас искать. Сомневаюсь также, что он осмелится последовать за вами в Лондон. Здесь вы в полной безопасности. – Повернувшись, Доминик дернул шнур колокольчика и успокаивающе улыбнулся Джорджиане. – Мы с Чарльзом, видите ли, не особо ладим.

В комнате воцарилось молчание. Пока мисс Хартли изучала свои руки, Доминик изучал саму мисс Хартли. Она казалась очень милой девушкой, но слишком нежной и скромной на его вкус. Леди, попавшая в беду, – Дакетт не ошибся на этот счет. Доминик рассудил, что ему в самом деле следует ей помочь. Издержки при этом будут минимальными, да и времени много не займет, зато, возможно, станет неплохим развлечением. Помимо всего прочего, это предприятие даст ему возможность позлить Чарльза Хартли, что само по себе было неплохо. Решительно заглушив внутренний голос, призывающий вспомнить

о самозащите, Доминик продолжил задумчиво рассматривать мисс Хартли.

Тут открылась дверь, и Джорджиана медленно поднялась со стула. Раздался голос дворецкого:

– Милорд?

Доминик повернулся:

– Дакетт, попросите миссис Лэнди зайти к нам.

– Конечно, милорд.

Дворецкий с поклоном удалился. На его губах при этом играла довольная улыбка.

Время в обществе миссис Лэнди Джорджиана провела очень приятно. Эта по-матерински заботливая женщина пришла в ужас, услышав о ее тяжелом положении, и всполошилась еще больше, узнав, что Джорджиана даже не завтракала. Подкрепившись кексами с джемом и дымящимся кофе и получив заверение, что и о ее слугах тоже позаботятся, Джорджиана вернулась в гостиную, готовая к разговору с лордом Элтоном. Она пребывала в полной уверенности, что джентльмен, у которого экономкой служит женщина вроде миссис Лэнди, не может оказаться негодяем.

Джорджиана приветливо улыбнулась дворецкому, который больше не казался ей устрашающим, и прошла в дверь, придержанную им для нее. Лорд Элтон ожидал ее, стоя у камина. Он поднял голову и улыбнулся. Джорджиану снова поразило осознание того, как он красив. Его окружала едва различимая аура глубокой притягательности, не имевшая ничего общего с манерой одеваться, но проистекавшая скорее из его улыбки и искр, пляшущих в его восхитительных глазах.

В ответ на ее реверанс он вежливо кивнул и жестом указал на стул. Сев, Джорджиана принялась расправлять юбки, радуясь, что надела сегодня одно из самых модных своих платьев, сшитое из серого кашемира и с отделкой из

дорогого итальянского кружева. На ее плечах красовалась белая льняная косынка. Устроившись поудобнее, девушка подняла голову и выжидающе взглянула в смуглое лицо его светлости.

Казалось, целую минуту он смотрел на нее, но думал о чем-то совершенно другом. Потом, неожиданно откашлявшись, поинтересовался:

– Сколько вам лет, мисс Хартли?

– Восемнадцать, милорд, – с готовностью отозвалась Джорджиана, решив, что он прикидывает, какой род деятельности лучше подойдет для ее возраста.

Восемнадцать. Отлично. Самому Доминику было тридцать два года. Слава богу, она слишком юна. Значит, именно джентльменский инстинкт побудил его помочь ей. Мужчинам его возраста не подобает вожделеть вчерашних школьниц. Доминик изобразил заученную улыбку.

– Принимая во внимание, что лет вам совсем немного, должен сразу предупредить – на поиски подходящего места потребуется какое-то время. Предложения о работе на деревьях не растут, сами понимаете. – Он говорил с ней подчеркнуто покровительственным тоном. – Размышляя о том, какая леди из моего окружения сможет оказаться вам наиболее полезной, я вспомнил, что моя сестра, леди Уинсмер, не раз говорила мне, что ей нужно чем-то себя занять.

Это, по крайней мере, было правдой. Хорошо зная Беллу, лорд не сомневался, как обрадуется она развлечению в лице очаровательной мисс Джорджианы Хартли.

Джорджиана внимательно всматривалась в лицо лорда Элтона. Его взвешенные слова казались вполне логичными, но покровительственный тон голоса задевал ее. Она ведь уже не ребенок.

– Я написал ей письмо, – продолжил между тем Доминик, вытаскивая из кармана сюртука сложенный лист бумаги, – в котором поведал о вашем затруднительном положении. – Его губы сами собой растянулись в улыбке, стоило ему лишь подумать, какие выводы сделает Белла из его откровений. – Предлагаю вам лично доставить его леди Уинсмер на Грин-стрит. – Он улыбнулся, глядя в теплые ореховые глаза мисс Хартли. – Белла, несмотря на случаемся с ней

время от времени полеты фантазии, особа весьма здравомыслящая. Она точно сумеет вам помочь. Я попросил ее оказать вам содействие в поиске работы, так как вы, к сожалению, не имеете представления о том, как делаются подобные дела. Вы можете всецело доверять ее суждениям.

Испытывая огромное облегчение, Джорджиана вскочила с кресла и взяла письмо. Осторожно держа его в руках, она посмотрела на адрес, написанный уверенным почерком, провела пальцами по толстой бумаге хорошего качества, из которой был изготовлен конверт, и почувствовала себя гораздо увереннее. После всех злоключений с Чарльзом ее мир, похоже, вновь принимал привычные очертания.

– Милорд, не знаю, как вас и благодарить. Вы помогли мне больше, чем я ожидала и чем заслуживаю.

В большой элегантной гостиной ее нежный голос казался особенно тихим. Посмотрев Доминику в глаза, она улыбнулась с искренней признательностью.

Испытывая необъяснимое раздражение, он небрежно махнул рукой:

– Ничего особенного, уверяю вас. Был рад оказать вам содействие. И вот еще что, – торопливо добавил он, тяготясь проявлением благодарности мисс Хартли. – Сдается мне, что если Чарльз в самом деле рыщет по округе в поисках вас, то высматривает он ваш экипаж с вашим же кучером на козлах. Я отдал распоряжение, чтобы в Лондон вас с вашей горничной доставили в одной из моих личных карет. Вас отвезет мой кучер и потом вернет карету обратно. По истечении нескольких дней, когда Чарльз сдастся и оставит поиски, ваш кучер последует за вами в вашем экипаже. Надеюсь, вы согласны с моим предложением?

Джорджиана была потрясена. Этот мужчина, похоже, позаботился обо всем. Быстро и без видимых усилий он всего за какой-то час устранил все препятствия с ее пути.

– Милорд, вы не перестаете поражать меня. Но ведь... ваша карета может понадобиться вам самому?

– Уверяю вас, что, доставляя вас в Лондон, она будет использована лучше всего, – галантно ответил Доминик, изо всех сил стараясь избежать более лестных слов в адрес Джорджианы.

Великий боже! Непростая это задача – иметь дело с невинной девушкой! Много времени прошло с тех пор, как Доминик вступал в светскую беседу с добродетельной юной особой восемнадцати лет от роду. Он испытывал огромное искушение вовлечь ее в один из утонченных соблазнительных разговоров, которые привык вести с женщинами в последнее время и которые, печально напомнил он себе, являются характерным показателем того, с какого рода дамами он водит знакомство.

Ослепительно улыбнувшись, Джорджиана Хартли согласно кивнула и засемила к двери своими маленькими ножками, обутыми в серые туфельки.

Джорджиана все еще была удивлена тем, что события развиваются гораздо быстрее, чем ей бы того хотелось, но план его светлости она сочла безукоризненным.

В холле их встретил Дакетт с известием о том, что карета готова и ожидает у крыльца.

Будучи не в силах побороть искушение, Доминик предложил ей руку и проводил до экипажа. Прощаясь с Беном, Джорджиана удивила всех, включая и самого Бена, тем, что заключила его в объятия. Доминик помог ей сесть в роскошную карету, в которой уже ожидала ее горничная, и отступил назад. Дакетт захлопнул дверцу, а кучер Джиггс подстегнул лошадей. Экипаж плавно тронулся с места.

Спрятав руки в карманы сюртука, Доминик Риджли еще некоторое время постоял на крыльце своего особняка, наблюдая за тем, как его карета уезжает все дальше. Когда она совсем скрылась из вида, он развернулся, чтобы вернуться в дом, и поддел носком сапога камешек, необъяснимым образом оказавшийся на крыльце. Вздохнув и грустно улыбнувшись, Доминик вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Глава 2

К тому времени, как дорожная карета лорда Элтона остановилась на мощеной подъездной аллее перед элегантным городским особняком лорда и леди Уинсмер, совсем стемнело. Запрокинув голову, Джорджиана увидела ряды освещенных газовыми лампами окон, парящие высоко над улицей. Сидящая рядом с ней Крукшэнк молчала, плотно сжав губы. Кучер спрыгнул с козел и, взбежав по ступеням, позвонил в дверной колокольчик, после чего помог своим пассажиркам выйти из кареты.

На пороге появился представительного вида дворецкий. Одного взгляда на ливрею кучера ему было достаточно, чтобы немедленно пригласить Джорджиану и ее горничную в дом.

Дворецкий помог Джорджиане снять пальто. Заметно волнуясь, девушка объявила дрожащим голосом:

– Я бы хотела увидеть леди Уинсмер, если не возражаете. У меня имеется сопроводительное письмо от лорда Элтона.

Дворецкий отвесил ей грациозный поклон. Несмотря на сдержанное выражение его лица, девушка тут же догадалась о его живейшем интересе к происходящему.

– Я передам ваше письмо леди Уинсмер, мисс. Не соблаговолите ли подождать в гостиной?

Оказавшись в уютной комнате для гостей и услышав, что дверь за ней закрылась, Джорджиана стала с любопытством осматриваться по сторонам. Крукшэнк безропотно осталась ждать в холле. Не найдя ничего интересного, Джорджиана сосредоточила внимание на изучении бело-золотого декора. В гостиной имелось очень много мебели, а все горизонтальные поверхности были украшены орнаментами. При этом главенствовало правило: что не белое, то должно обязательно быть позолоченным. Этой участи не избежали даже фигурные карнизы. Эффект получился ошеломляющим. Подивившись новомодной английской тенденции, Джорджиана осторожно опустилась на стул с прямой спинкой, веретенообразными ножками и обтянутым бело-золотым

дамастом сиденьем.

Она еще раз скользнула взглядом по стенам, но ни на одной из них не было Фрагонара, на которого она смогла бы переключить внимание.

Сложив руки на коленях, Джорджиана попыталась подавить неприятное ощущение вторжения к людям, проникать к которым у нее не было права. Однако лорд Элтон к ее просьбе о помощи отнесся совершенно невозмутимо. Возможно, несмотря на терзающее дурное предчувствие, в ее затруднительном положении не было ничего необычного. По крайней мере, по мнению англичан. Решив придерживаться оптимистичного настроения, Джорджиана постаралась собраться с мыслями, чтобы как можно лучше отвечать на вопросы леди Уинсмер, которых, несомненно, будет немало. Как она истолкует письмо своего брата?

Только теперь Джорджиана осознала, что не имеет представления, в каком свете лорд Элтон представил ее своей сестре. Конверт из толстой бумаги был запечатан тяжелой печатью из красного воска с оттиском виконта Элтона. Джорджиана нахмурилась и вдруг почувствовала огромную усталость. Не в первый раз с тех пор, как покинула Кэндлвик-Холл, она усомнилась в разумности совершаемых ею действий. Слишком она порывиста! Она постоянно попадала в затруднительное положение именно потому, что очертя голову бросалась навстречу судьбе – взять, к примеру, ее отъезд из Равелло. Однако теперь было слишком поздно поворачивать назад. Джорджиана поморщилась. Чем больше она размышляла о происходящем, тем отчетливее осознавала собственную неспособность повлиять на тот план, который разработал для нее лорд Элтон. Происходящее, судя по всему, должно повлиять на ее ближайшее будущее, которое она вверила в руки лорда Элтона.

Джорджиана подавила унылый вздох. Ей оставалось только надеяться, что выглядит она более уверенной, чем себя ощущает.

Этажом выше Белла, леди Уинсмер, была всецело поглощена приготовлениями к походу в театр. В дверь ее будуара постучали, послышался приглушенный обмен репликами между ее костюмершей Хиллз и дворецким Джонсоном.

Отвлечшись от деликатной задачи приукрашивания внешности, дарованной ей матушкой-природой, Белла нахмурилась:

– Что там такое, Хиллз?

Ее облаченная в черное костюмерша подала ей конверт из плотной бумаги, подписанный характерным почерком брата. Заинтригованная, Белла немедленно отложила заячью лапку и взломала печать. Во все стороны брызнули кусочки красного воска.

Пять минут спустя она уже спешила через холл, кое-как накинув шелковый халат поверх кружевного пеньюара. Джонсон, предвосхитивший ее поспешный уход, стоял у двери гостиной, готовый распахнуть ее в любой момент.

Стук закрывшейся двери заставил Джорджиану вскочить на ноги, а Белла, глаза которой были такого же голубого цвета, как и у ее брата, принялась рассматривать неожиданную посетительницу.

Неосознанно вцепившись в ручку своего ридикюля и выдав тем самым охватившее ее волнение, Джорджиана благоговейно воззрилась на представшее перед ней очаровательное видение. Сестра лорда Элтона была худощавого телосложения и одного с ней роста. На этом сходство между ними кончалось. Леди Уинсмер была темноволосой и с белой, точно алебастр, кожей. Голубые глаза хозяйки дома Джорджиана уже видела у лорда Элтона, а ее элегантный отороченный кружевом халат и вовсе заставил девушку почувствовать себя неуклюжей и чрезвычайно молодой.

Белла же увидела невинную девушку, стоящую на пороге взросления. Вся она, начиная от выгоревших на солнце кудрей и заканчивая цветом лица, напоминала мед со сливками. Ее глаза светились непривычной прямоотой, а ростом она была не выше самой Беллы. Белла просияла, и с ее губ сорвался едва слышный вздох облегчения. Радушно и искренне улыбаясь, она подошла к Джорджиане и пожала ее холодные пальцы.

– Дорогая моя! Вы и есть Джорджиана Хартли! Доминик подробно описал мне вашу ситуацию. Бедняжка вы моя! Какая ужасная с вами случилась история, да еще и сразу по возвращении в Англию. Вы просто обязаны разрешить мне вам помочь.

Джорджиана негромко произнесла «миледи», заставив Беллу на мгновение умолкнуть, и хотела было присесть перед ней в реверансе, но та не позволила, удержав ее за руки.

– Нет-нет, моя дорогая. Здесь вас окружают друзья. Вы должны называть меня Белла, а я – не сочтите за излишнюю поспешность – буду называть вас Джорджианой. – Она склонила головку набок, сверкая голубыми глазами.

Джорджиана была не в силах сопротивляться очаровательной манере поведения хозяйки дома.

– Разумеется, миле... Белла. И все же я чувствую себя так, будто ужасно побеспокоила вас.

– Вот еще, глупости! – Белла скривилась. – Я постоянно испытываю скуку, так как в Лондоне в последнее время почти нечего делать. Безмерно благодарна Доминику за то, что отправил вас ко мне! Почему... – Тут она замолчала, отвлекшись на новую мысль, пришедшую ей в голову. – Подумать только. Если бы вы росли в Хартли-Плейс, мы были бы соседями. – Белла жестом пригласила Джорджиану сесть на обтянутый белым дамастом диван и сама опустилась на сиденье рядом с ней. – Так что, сами понимаете, вам нечего стесняться. Некоторое время вы поживете у меня.

У Джорджианы голова шла кругом.

– Ах, я не хотела навязываться...

– Ничего подобного! Это именно то, что мне сейчас так необходимо. Вам некуда пойти, а у нас множество комнат пустует. – Белла пронзила свою гостью пристальным взглядом. – В самом деле, вы ничуть нас не стесните.

– Но...

Белла покачала головой:

– Никаких но. Считайте, что это вы оказываете мне услугу. Нам будет так весело вместе. Я выведу вас в свет и познакомлю с нужными людьми.

Невзирая на горячее желание немедленно ответить согласием на восхитительное предложение Беллы, активно строящей планы, Джорджиана все же нашла в себе силы возразить:

– Но миле... Белла. Боюсь, что лорд Элтон недостаточно четко объяснил вам ситуацию. Я хотела бы устроиться на работу компаньонкой.

Приняв во внимание содержащиеся в письме брата особые указания на этот счет, Белла заверила Джорджиану, что прекрасно во всем разобралась.

– Дорогая моя, учитывая ваш юный возраст, для того чтобы найти место, вам нужно прежде быть представленной светскому обществу.

Видя, что Джорджиана нахмурилась, явно собираясь продолжить высказывать возражения, Белла предупредительно взмахнула изящной ручкой.

– Прежде чем вы снова начнете со мной спорить, – а я терпеть не могу людей, которые постоянно иронизируют и придираются, – смею заметить, что, оставшись и разрешив помочь вам, вы окажете мне огромную услугу. Вы и представить не можете, как скучно проводить сезон в Лондоне, не имея перед собой никакой конкретной цели. Через несколько недель начнется малый сезон. Поселившись в моем доме и позволив представить вас свету, вы избавите меня от владеющего мной чувства неудовлетворенности. Не так уж это и много, правда? – Большие голубые глаза Беллы осветились мольбой.

Удивленная неожиданным оборотом, который приняла ситуация – теперь леди Уинсмер нуждалась в ее обществе, – и испытывая небывалую усталость после насыщенного событиями дня, Джорджиана решила покориться судьбе.

– Если только я вас не стесню, – неуверенно произнесла она. – Я поживу у вас немного, пока не найду работу.

– Прекрасно! – Белла довольно усмехнулась. – Первое, что мы должны сделать, это отвести вас в спальню. Вам просто необходимо принять горячую ванну, которая отлично расслабляет после долгой дороги.

Белла немедленно взялась за дело, махая маленькой ручкой с унизанными кольцами пальцами и отдавая распоряжения. Очень скоро Джорджиану вместе с ее горничной поместили в лучшую гостевую комнату в доме, находящуюся этажом выше, куда доставили багаж и ужин на подносе. Ванна была наполнена горячей водой.

Час спустя, уложив свою юную гостью в кровать и закрыв дверь ее спальни, Белла Уинсмер задумчиво нахмурилась. Погруженная в размышления, она медленно спустилась по лестнице и, лишь преодолев половину холла по направлению к парадной двери, поняла, что пришла совсем не туда, куда намеревалась. Развернувшись, она направилась в расположенную в задней части дома библиотеку.

Заслышав звук открываемой двери, лорд Уинсмер поднял голову от стопки документов, над которыми работал. При виде жены его худое лицо осветилось теплой улыбкой. Отложив в сторону перо, он приветственно протянул ей руки.

Улыбнувшись, Белла подошла к нему, позволив заключить себя в объятия, и быстро чмокнула в начинающую седеть макушку.

– А мне казалось, что ты сегодня собираешься на Друри-Лейн?

Лорд Уинсмер был старше своей красавицы жены более чем на двадцать лет. Его уравновешенная, почти королевская манера держать себя резко контрастировала с искрометной живостью супруги. Многие недоумевали, почему из многочисленных поклонников божественная Белла Риджли выбрала мужчину настолько зрелого, что он годился ей в отцы. Однако спустя несколько лет общество было вынуждено признать факт, что прекрасная Белла искренне влюблена в своего уважаемого лорда.

– Собиралась, но ко мне неожиданно пожаловала гостья.

– Вот как?

Его светлость отодвинул бумаги в сторону, решив заняться ими завтра. Раз уж Белла сама пришла к нему, значит, хочет обсудить какую-то проблему. Не выпуская ее руки из своей, он поднялся из-за стола и подвел ее к двум стоящим у камина креслам.

Белла опустилась в одно из них, с отсутствующим видом покусывая кончик розового пальца, что являлось у нее свидетельством глубокой задумчивости.

Улыбаясь, лорд Уинсмер сел в кресло напротив, ожидая, когда она начнет говорить.

- Это совершенно интригующая история.

Приученный к манере своей жены изъясняться, его светлость ничего не ответил.

Наконец, Белла собралась с мыслями и приступила к рассказу:

- Доминик прислал к нам пожить одну девушку.

Лорд Уинсмер вскинул брови. Лишь осознание того, что, каким бы аморальным человеком Доминик Риджли ни являлся, он не осмелится опозорить доброе имя сестры, удержало его от комментария.

- Она могла бы жить в сельском поместье рядом с нами. Ее зовут Джорджиана Хартли. Ее отец, некто Джеймс Хартли, был художником. Он скончался в Италии несколько месяцев назад, оставив Джорджиану на попечении дяди. К несчастью, дядя, который, кстати, проживал в Хартли-Плейс, - ты знаешь, то самое нелепое поместье, образовавшееся после продажи части Кэндлвик-Холла, - также умер вскоре после своего брата. Джорджиана, будучи в Италии, об этом и не подозревала. Она проделала весь этот долгий путь для того лишь, чтобы узнать, что дядя отошел в мир иной, а новым хозяином сделался ее кузен Чарльз. Остается добавить, что этот самый Чарльз - отъявленный грубиян. - Всплеснув руками, Белла посмотрела на своего мужа.

- А как Доминик оказался вовлеченным в эту историю?

- Насколько я поняла, Джорджиане пришлось бежать из Хартли-Плейс сегодня на рассвете. Она никого в Англии не знает - вообще никого. Надеюсь отыскать сочувствующую леди, живущую по соседству, она обратилась с расспросами к Тэдлоузу, хозяину «Трех колоколов». Тот, разумеется, отправил ее в Кэндлвик. Ты же знаешь, какого высокого мнения люди о Доминике.

Лорд Уинсмер глубокомысленно кивнул. Подумав о том, как возвеличивают его непутевого шурина живущие в его поместье люди, он улыбнулся.

– Итак, она приехала в Кэндлвик-Холл и встретила там Дакетта, который проводил ее к Доминику. Ну а он уже убедил ее все ему рассказать. – Тут Белла запнулась. – Ой, ты же не думаешь, что Джорджиана – какая-то приживалка? – Подавшись вперед, она пронзила мужа взглядом огромных голубых глаз. – Уверю тебя, Артур, это не так. Она – очень приятная особа, такая невинная, юная и... доверчивая.

Тонкие брови лорда Уинсмера поползли вверх.

Внезапно Белла упала на колени, обхватив руками ноги мужа, и одернула его проказливой и одновременно соблазнительной улыбкой.

– Пожалуйста, Артур. Прошу тебя, разреши ей остаться. Ты же знаешь, как я скучаю. А эта девушка, поверь мне, имеет весьма презентабельный вид. Я могла бы везде брать ее с собой и представить в высшем обществе. Ох... с ней мне было бы гораздо веселее! Балы и приемы кажутся такими пресными для того, кто в игре не участвует. Пожалуйста, любовь моя! Скажи, что она может остаться!

Лорд Уинсмер улыбнулся, глядя в умоляющее лицо жены, одновременно обдумывая новые возможности, возникшие с появлением неизвестной гостьи. Их с Беллой сын Джонатан – единственный ребенок – счастливо жил и подрастал в деревне, вдали от городской суеты. Он не был болезненным мальчиком, но душливый столичный воздух явно не шел ему на пользу. Однако работа самого лорда Уинсмера требовала постоянного присутствия в Лондоне. Белла, разрывающаяся между двумя главными мужчинами в своей жизни, предпочла остаться с мужем. Его светлость сомневался, что смог бы обойтись без супруги, поэтому готов был пойти на любые жертвы, лишь бы только избавить ее от утомительной круговерти светских развлечений, которые она находила весьма предсказуемыми. Но поселить у себя в доме незнакомую девушку? Зная свою Беллу, он понимал, с каким рвением она возьмется за дело. Но тревожился он вовсе не из-за неизбежных издержек. В самом ли деле эта Джорджиана столь невинна, какой ее считает Белла, весьма неискушенная в подобного рода делах, невзирая на статус замужней дамы?

Его светлость провел пальцем по изящной брови своей супруги. Белла порывисто схватила его ладонь и поцеловала, после чего, не выпуская ее из своей руки, посмотрела на мужа:

- О деньгах беспокоиться не нужно. Доминик велел направлять ему все счета.

- Вот как? Весьма великодушный жест.

Подвижные губы лорда Уинсмера изогнулись в улыбке. Доминик Риджли унаследовал значительное состояние и с легкостью мог позволить оплатить светский дебют неизвестной девушки. Вопрос, занимающий мысли его светлости, состоял в том, с чего вдруг его любящий развлечения шурин решился на подобный шаг.

- Полагаю, мне следует самому познакомиться с этим образчиком добродетели, прежде чем разрешать тебе брать ее под свое крылышко.

Белла округлила глаза.

- Подозреваешь, что она – одна из любовниц Доминика? Должна признать, что я и сама так поначалу подумала. Но кто может заподозрить его в связи с невинной девушкой? Уверяю тебя, она именно такова – молодая, непорочная и... безнадежно растерянная. Прожив все это время в Италии, она, похоже, вообще не знает, что делать дальше.

Лицо лорда Уинсмера оставалось непроницаемым. Он практически сразу отказался от подозрения, что шурин направил к Белле нуждающуюся в помощи даму в надежде прикрыть собственное неподобающее поведение. Кому как не его светлости было знать о том, что, хотя лорд Элтон и имел репутацию богатого, невероятно очаровательного и потенциально опасного распутника, в душе он свято придерживался определенного морального кодекса. Если бы это обстоятельство получило огласку, Доминика Риджли сочли бы одним из основополагающих столпов общества. Но люди видели лишь то, что он им предъявлял, – личину, призванную скрыть владеющую им скуку, ведь ни разу в жизни ему ни за что не нужно было бороться. Доминик родился с пресловутой серебряной ложкой во рту; наделенный и привлекательной внешностью, и атлетичным телосложением, он ничего не желал от жизни, так как все его желания немедленно удовлетворялись. Общество его боготворило, женщины

падали к его ногам, но владеющая им скука росла год от года.

- А что именно написал Доминик?

Улыбнувшись, Белла поудобнее устроилась у ног мужа, не выпуская его руки и по-прежнему с любовью глядя на него сияющими голубыми глазами.

- Ну...

Пятнадцать минут спустя лорд Уинсмер был посвящен во все детали дела. Единственное, что до сих пор оставалось ему неясным, это мотивы, заставившие его шурина совершить этот шаг. Что еще за причуда? Не впал же он в слабоумие, в конце концов? Как бы то ни было, молодая невинная девушка определенно была не в его вкусе. Перед мысленным взором его светлости возник образ Элейн, леди Чэнгли. Его лицо непроизвольно перекопилось от отвращения. Леди Чэнгли определенно не являлась ни юной, ни уж тем более целомудренной.

Прочтя на лице мужа неодобрение, Белла пала духом.

- Тебе не по душе эта затея?

Очнувшись, лорд Уинсмер вынужден был признать с улыбкой:

- Я отвлекся на другое. - Посмотрев в лицо жены, он добавил: - Раз уж вы с Домиником не можете думать ни о чем, кроме этой девушки, я не возражаю против того, чтобы ты взяла ее под свое крыло. Помимо всего прочего, она в самом деле должна быть совсем неопытной, чтобы вынести твои рассказы о том, как нужно себя вести, чтобы стать звездой великосветского общества.

Белла ухмыльнулась в ответ на его скептический взгляд.

- О, я справлюсь - вот увидишь.

Пять минут спустя лорд Уинсмер снова сел за свой стол и возобновил работу над документами. Перед его мысленным взором стояли светящиеся от восторга глаза жены. Возможно, посланная им Домиником леди в затруднительном

положении в самом деле окажется ангельским созданием. Он мягко улыбнулся, с нетерпением ожидая встречи с подопечной Беллы.

Джорджиану разбудили пронзительные голоса торговки апельсинами. Она удивленно осмотрелась по сторонам, потом вспомнила, где находится и как сюда попала. Несмотря на неопровержимые доказательства, ей до сих пор с трудом верилось в реальность происходящего. Она все еще лежала на подушках, мысленно витая в облаках, когда в комнату энергичным шагом вошла Крукшэнк с чашечкой утреннего шоколада.

Джорджиана молча ждала, когда горничная выскажет свое мнение. Никто не мог дать оценку быстрее и точнее. Презрительного фырканья с ее стороны не последовало. И никакого другого осуждающего звука. Мурлыкая себе под нос, Крукшэнк поставила поднос с завтраком Джорджиане на колени. Поймав ее удивленный взгляд, она с улыбкой пояснила:

– Хороший это дом, мисс Джорджи. Никого ничему не нужно учить. Экономка миссис Биггинс – тертый калач, но женщина она справедливая, помяните мои слова. Управляет хозяйством железной рукой. И дворецкий Джонсон, и костюмерша ее светлости Хиллз – именно такие, какими должны быть. Такое облегчение после Хартли-Плейс!

– Ты чувствуешь себя здесь уютно?

Крукшэнк согласно кивнула. Подойдя к гардеробу, она взяла утреннее платье фиалкового цвета с отделкой из тончайших кружев и положила его на стул, после чего стала подбирать украшения.

Джорджиана не спеша потягивала шоколад. Сладкая теплая жидкость растекалась по телу, согревая изнутри. Она вздохнула. Как же это восхитительно – снова пить настоящий шоколад. Стоило ей закрыть глаза, и она тут же оказалась на террасе в Равелло, а за накрытым к завтраку столом сидел ее отец. Джорджиана резко открыла глаза и быстро-быстро заморгала. Довольно! Она давным-давно выплакала все слезы. Отец хотел, чтобы она продолжала жить дальше, и просил не горевать о нем. Он сказал ей, что прожил хорошую жизнь, и хочет, чтобы и у его дочери все сложилось. Именно поэтому ей надлежало вернуться в Англию, чтобы воссоединиться с семьей, которая

теперь представлена одним только Чарльзом. Джорджиана пошевелила пальцами ног. Она вспомнила о кузене, рыскающем в поисках ее по окрестностям и вернувшемся ни с чем в свое промозглое заплесневелое логово, и в ее золотисто-ореховых глазах появился довольный блеск. Поделом ему.

– Как долго мы здесь пробудем?

Крукшэнк подошла, чтобы откинуть одеяло, и Джорджиана встала с кровати и стала умываться и одеваться, обдумывая, как лучше ответить на этот вопрос. Свой план найти место компаньонки она не обсуждала ни с Крукшэнк, ни с Беном, понимая, что они ее замысла не одобряют. Будь что будет, она намерена удержать их при себе, так как они – это все, что у нее осталось от счастливого родительского дома.

Терпеливо ожидая, пока Крукшэнк зашнурует ей платье, Джорджиана беспечно ответила:

– Это мне еще только предстоит обсудить с леди Уинс... с Беллой. Похоже, она хочет, чтобы мы некоторое время жили в ее доме.

Крукшэнк фыркнула.

– Так я и думала. Она, судя по всему, настоящая леди, а не какая-то высокомерная мадам.

Джорджиана улыбнулась, вспомнив об устроенной Беллой накануне суматохе. Над ней давно так никто не трясся, за исключением, конечно, собственной горничной.

После того как Крукшэнк уложила ее кудри в высокую прическу на макушке, Джорджиана несмело спустилась вниз. В главном холле она встретила как всегда грациозного Джонсона, который проводил ее на завтрак в утреннюю гостиную с видом на расположенный за домом сад.

– А вот и вы, моя дорогая!

У Джорджианы сложилось впечатление, что хозяйка дома ожидала ее появления. Облаченная в прекрасно подчеркивающее фигуру муслиновое платье, Белла поспешила к ней по турецкому ковру. Джорджиана тепло улыбнулась в ответ.

- Уверены, что уже вполне оправились после пережитого сурового испытания?

Покраснев, Джорджиана кивнула. Из-за стола поднялся мужчина, казавшийся много старше Беллы, - он с улыбкой наблюдал за ними.

- Едва ли это можно назвать суровым испытанием, мадам! - воскликнула она.

- Мадам? Мы же договорились, что вы будете называть меня Беллой. - Белла игриво усмехнулась. - Побег от Чарльза стал для вас самым настоящим испытанием.

Джорджиана удивленно посмотрела на нее:

- Вы знаете Чарльза?

Белла округлила большие голубые глаза.

- Ну, разумеется. Разве я вам вчера об этом не сказала?

Джорджиана покачала головой, и Белла, взяв ее под руку, повела к столу.

- Мы же были соседями, вы знаете. Время от времени Чарльз приходил к нам играть, но он никогда не ладил с Домиником и другими мальчиками, преимущественно потому, что был младше их и постоянно хвастался. Меня он, бывало, нещадно дразнил. По крайней мере, когда Доминика не было рядом. Так что мне отлично известно, какое это облегчение - сбежать от вашего кузена Чарльза. Не думаю, что он исправился с годами.

Стоя у стола рядом со своей новой подругой, Джорджиана согласно кивнула.

- Думаю, вы правы. - Она выжидающе посмотрела на мужчину.

Тот улыбнулся ей и слегка поклонился.

– Позвольте представиться, дорогая. Боюсь, что если будем ждать, когда Белла вспомнит о моем существовании, то до самого вечера не познакомимся.

– Ох, ну что за напыщенные речи! – воскликнула Белла, хватая мужа за руку и слегка встряхивая. – Дорогая Джорджиана, позвольте представить вам моего мужа, Артура.

Джорджиана почтительно присела перед ним в реверансе, изо всех сил стараясь скрыть удивление. О муже Беллы она вообще не думала, и уж точно и вообразить не могла, чтобы такая юная красавица вышла замуж за человека много старше себя. Выпрямившись, она встретилась с ним взглядом. Ей показалось, что его добрые серые глаза читают ее, точно книгу. Внезапно он одарил ее дружелюбной улыбкой, и Джорджиане тут же перестало казаться странным, что Белла является его женой.

– Мисс Хартли, я очень рад принимать вас в своем доме.

Джорджиана чуть слышно произнесла слова благодарности.

За завтраком лорд Уинсмер почти все время молчал, слушая, как женщины болтают на интересные для них темы.

– Вы, как я посмотрю, уже не носите траур, – заметила Белла. – Какая удача.

Поколебавшись немного, Джорджиана пояснила:

– Вообще-то со смерти моего отца минуло всего четыре месяца, но он взял с меня обещание, что я не стану долго скорбеть по нему. – Она слегка пожала плечами. – Я сочла, что серый и лиловый будут вполне подходящими случаяю цветами.

Белла внимательно посмотрела на нее:

– Принимая во внимание, что ваш отец был художником, я отлично понимаю, почему он не хотел, чтобы вы носили черный цвет. Он совершенно не подошел

бы к оттенку вашей кожи.

Джорджиана усмехнулась:

- Подозреваю, что он рассуждал так же.

Сделав это замечание, она стала сосредоточенно жевать свой тост, чувствуя на себе одобряющий взгляд его светлости.

Лорд Уинсмер действительно одобрял подопечную своей жены. Джорджиана Хартли, решил он, очень милая девушка. Лорд повидал на своем веку достаточно привлекательных женщин, чтобы сразу понять, что она к их числу не относится, хотя и обладает приятной внешностью. Стоит добавить немного светского лоска, и девушка по праву сможет называться хорошенькой. Джорджиана была миниатюрной, но ее тело обладало соблазнительными изгибами и формами, совсем как у Беллы. Что было еще более важно, эта приехавшая из Италии девушка напрочь лишена жеманства. Лорд Уинсмер был убежден, что ей будет совсем нетрудно поладить с его прямолинейной супругой. Итак, Белла не ошиблась в своей оценке - мисс Джорджиана Хартли в самом деле в высшей степени презентабельная особа.

Когда леди оставили его в одиночестве пить кофе и читать утреннюю прессу, он некоторое время задумчиво смотрел на закрывшуюся за ними дверь. Доминик, несомненно, поступил правильно, направив Джорджиану в Уинсмер-Хаус. Нечего и надеяться, что такой привлекательной девушке удастся найти пристойную работу, не подвергнув себя опасности, о которой даже думать не хотелось. План Доминика о представлении ее свету был очень умен. До сих пор юная леди демонстрировала весьма приятный характер. Хотя она и не могла похвастаться выдающимся генеалогическим древом, ее наследие все же не следовало сбрасывать со счетов. По реестру землевладельцев лорд Уинсмер выяснил, что семья Хартли на протяжении многих поколений вела добропорядочный, хотя и ничем не примечательный образ жизни. Джорджиана могла бы стать отличной женой для какого-нибудь юного сквайра.

Однако наибольшую важность для его светлости представляло то обстоятельство, что присутствие девушки поможет Белле преодолеть скуку. Его обожаемая жена сегодня с раннего утра щебечет без умолку, значит, она действительно счастлива.

Посмеиваясь над собственной впечатлительностью, лорд Уинсмер встал из-за стола и, взяв свою непрочитанную газету, отправился в библиотеку. Хоть раз в жизни Доминик сделал доброе дело из бескорыстных побуждений. Он руководствовался исключительно интересами девушки, а также хотел развлечь Беллу. Его светлость решил не вмешиваться. Пусть Белла устраивает жизнь Джорджианы, сколько душе угодно, это пойдет на пользу им обоим. Продолжая анализировать потенциальные последствия плана Доминика, он удивленно вскинул брови и слегка изогнул брови. Кто знает, что может из всего этого получиться?

– Что ж, Джорджи, пообещайте, что мне не придется за вас краснеть, – сказала Белла, уверенно натягивая перчатки. Их экипаж остановился. – Только не в присутствии Фэнкон! Этого мне не перенести. Эта женщина – настоящий кошмар. Одному Богу известно, какой непоправимый ущерб вашей репутации она может причинить, если услышит, что вы справляетесь о стоимости платья.

Краска прилила к щекам Джорджианы. Видя, что Белла слегка хмурится, она поняла, что ей так и не удалось убедить ее в правильности своей точки зрения. Джорджиана никак не могла взять в толк, зачем ей новые платья. Неужели от компаньенок требуется одеваться по последней моде? Но Белла твердо стояла на своем.

– Вот станете компаньонкой, тогда и будете одеваться небрежно.

Заметив взгляд, инстинктивно брошенный Джорджианой на ее скромное серое платье, Белла немедленно раскаялась в своих словах.

– Ох, я вовсе не это имела в виду! Ваши наряды вполне подходящие, и вам об этом известно. Но дело в том, что, чтобы появляться в свете, вам нужны... светские туалеты. Мы же в Лондоне как-никак.

Наконец, устав спорить с Беллой и поймав на себе строгий взгляд Крукшэнк, слышавшей большую часть разговора, Джорджиана, сдавшись, согласилась поехать с Беллой в салон модистки по имени Фэнкон. Шел третий день ее пребывания в Лондоне, и она начинала осваиваться в большом особняке четы Уинсмер на Грин-стрит. Его светлость был очень добр с ней, ну а Белла, разумеется, оставалась самой собой и окружила ее заботой. Но все же

Джорджиана не была согласна с тем, чтобы Белла покупала ей новые платья.

– Раз уж, чтобы выходить в люди, мне требуются наряды, я сама заплачу за них.

Это спокойное заявление не на шутку переполошило Беллу. Она в замешательстве посмотрела на Джорджиану:

– Но, дорогая Джорджи, видите ли, платья... ну, они вовсе не... Я имею в виду... – Белла, обычно не лезущая за словом в карман, на этот раз не знала, что сказать.

Ход ее мыслей не укрылся от Джорджианы.

– Ах! Вы полагаете, что у меня нет денег?

Белла округлила глаза.

– Ну, мне кажется, что в деньгах вы точно не купаетесь. К тому же вы совершили длительный переезд, надеясь на помощь дяди.

Джорджиана улыбнулась. Чета Уинсмер считает ее чуть ли не нищенкой, но все же хочет оказать содействие. Она достаточно повидала на своем веку, чтобы научиться ценить такое отношение.

– Ничего подобного. Мой отец оставил мне значительное состояние – по крайней мере, именно так говорили мои итальянские адвокаты. Представления не имею, что это означает, но в Лондоне у меня есть средства, которыми я могу распоряжаться по своему усмотрению.

Джорджиана почувствовала облегчение, когда лорд Уинсмер настоял на том, чтобы сопроводить ее в банк, клиентом которого являлся ее отец. Она не сомневалась, что именно из-за влияния его светлости ее удостоили столь быстрого и вежливого обслуживания. Ей без труда удалось подтвердить *bona fides*[1 - Честное намерение; добросовестность (лат.)] посредством бумаг, привезенных из Италии.

Ожидая, пока карета перестанет раскачиваться, Джорджиана посмотрела на профиль Беллы. Они очень сдружились, как будто обрели друг в друге сестру,

которой ни у одной никогда не было.

– Только два платья, запомните.

Белла повернулась к ней, прищурился глаза.

– Два дневных платья и одно вечернее, – безапелляционно заявила она.

Криво усмехнувшись, Джорджиана капитулировала.

– Хорошо, и одно вечернее. Только не слишком вычурное, – добавила она, когда кучер распахнул дверцу.

Вместе они вошли в неприметное заведение Фэнкон. Им навстречу поспешила женщина, одетая в строгую черную одежду. Ее темные волосы были зачесаны назад и, как показалось Джорджиане, с видимым усилием собраны в тугий узел. Женщина пробуровила ее взглядом пронзительных черных глаз. Как скоро узнала Джорджиана, это и была великая Фэнкон. Преисполненная благоговения, Джорджиана заметила некоторую скованность в манере поведения модистки и изо всех сил старалась ничем ее не обидеть.

Следующие полчаса они занимались чрезвычайно приятным делом. Фэнкон демонстрировала многочисленные платья, а Джорджиана примеряла их. Кроме того, ей были предложены ткани, из которых можно было сшить платье любого фасона. Энтузиазм Беллы оказался заразительным, и Джорджиана, будучи не в силах побороть искушения, с интересом рассматривала элегантные творения модистки. Однако, верная своему слову, выбрала она только два дневных платья, одно светло-сиреневого, а другое – темно-лилового оттенка. Оба были с высокой талией и отлично на ней сидели, подчеркивая фигуру. Джорджиана опасалась, что Фэнкон разозлится на нее из-за скромного заказа, особенно если вспомнить, сколько нарядов она перемерила, но суровое лицо модистки оставалось невозмутимым.

Значительное время потребовалось на обсуждение вечернего туалета для Джорджианы. Фэнкон быстро выяснила, какие ей нравятся стили, но подходящего готового платья у нее не оказалось.

– Ваша кожа, мисс Хартли, не такая бледная, как у большинства женщин, но не беда. Мы подберем ткань, и к завтрашнему дню мои швеи сошьют вам наряд.

Взмахнув рукой, модистка призвала своих помощниц, которые принесли рулоны превосходных тканей лиловых и сиреневых оттенков. Набросив на Джорджиану несколько отрезков, Белла и Фэнкон принялись критически ее разглядывать. Джорджиана наблюдала за происходящим в зеркало.

– Это платье должно наилучшим образом подчеркивать достоинства вашей фигуры, – объявила Белла.

Джорджиана всерьез засомневалась, что пожилые дамы выбирали себе компаньонов в бальных залах.

Фэнкон отвернулась и вполголоса отдала какое-то распоряжение. Минуту спустя принесли новые ткани. На Джорджиану накинули газовую материю цвета морской волны, переливающуюся и поблескивающую, при виде которой она ахнула. Неужели стройная, худощавая русалка, отражающаяся в зеркальной глубине, – это она сама? Зеленовато-бирюзовый цвет отлично гармонировал с ее волосами и глазами и подчеркивал сливочный оттенок кожи. Девушка стояла и смотрела, не в силах отвести глаз, а потом печально покачала головой:

– Нет, это не пойдет. Я же еще в трауре, не забывайте.

Фэнкон снова что-то негромко приказала, и на месте бирюзового газа появился шелк темно-желтого цвета. И снова Джорджиана не могла оторвать глаз от своего отражения. На этот раз она казалась себе почти такой же светской дамой, что и Белла. Шелк придавал ей налет привлекательности, загадочности. Она выглядела... соблазнительно. Но снова была вынуждена отказаться.

Явно не желая обращаться к фиолетовым оттенкам модистка предложила шелк бледно-аметистового цвета, который Джорджиана принялась критически рассматривать. Цвет был ей к лицу, придавая ей вид нежный и женственный, но все же не совершал таких волшебных преобразований, как предыдущие две ткани. В аметистовом она казалась просто хорошенькой. Оглянувшись и бросив полный томления взгляд на ткани темно-желтого и синевато-зеленого цвета, разложенные за ее спиной, Джорджиана решила не отвлекаться от своей цели. Без сомнения, леди, ищущие себе компаньонку, одобряют девушку в платье из

шелка цвета аметиста.

- Да. Я возьму эту ткань. Ну а покрой мы с вами уже обсудили.

Джорджиана повернулась как раз вовремя, чтобы заметить взгляд, которым обменялись Белла и Фэнкон. Он свидетельствовал о существующей между ними договоренности, но что именно означал, она не знала.

Ожидая, когда выбранные ею дневные платья будут упакованы, Джорджиана размышляла о том, что мадам Фэнкон вовсе не такой огнедышащий дракон, каким представляла ее Белла.

Расположившись в ландо и положив коробки с нарядами на противоположное сиденье, Белла подалась вперед, чтобы отдать распоряжение кучеру:

- Сделаем один круг по парку на удачу, а потом вернемся на Грин-стрит.

Коляска тронулась. Джорджиана сидела очень тихо, гадая, какой она предстала бы в платьях из шелка цвета морской волны или темно-желтого? Как изменился бы образ ее жизни?

Белла также хранила молчание, довольная тем, как отлично сработал ее план. Днем ранее, когда Артур возил Джорджиану к банкирам, она наведлась к модистке. Та отлично ее знала, ведь она являлась одной из лучших ее клиенток. Фэнкон вела себя весьма предупредительно, особенно после того, как Белла сообщила ей, что некий пэр, пожелавший не разглашать своего имени, весьма заинтересован в блестящем дебюте Джорджианы и не постоит за ценой. Белла усмехнулась, не сомневаясь, что модистка сразу же догадалась о личности загадочного джентльмена. Ну кто еще, как не брат, препоручил бы юную девушку заботам Беллы?

- Белла, тут, должно быть, какая-то ошибка. У нас шесть коробок вместо двух, - прервал размышления Беллы голос Джорджианы. Повернувшись, она увидела, что та хмурится, глядя на лишние коробки.

- Нет-нет, - тут же поспешила разуверить ее Белла. - Все в порядке. Я тоже купила несколько платьев. Просто не могла удержаться, увидев их на вас. Да и

размер у нас одинаковый. – Белла уверяла себя, что говорит чистую правду.

Джорджиана вскинула брови, но ничего больше не сказала.

Белла вернулась к рассеянному созерцанию мостовой. Несомненно, придется выдержать суровый бой, прежде чем удастся убедить Джорджиану принять купленные ею платья. Самой ей ни одно из них не подошло бы, ведь у нее гораздо более светлая кожа, чем у Джорджианы, и волосы много темнее. Бирюзовый и темно-желтый шелк изумительно пойдут ее *protegee*! [2 - Протеже, подопечная (о женщине) (фр.).] Готовые платья доставят завтра вместе с нарядом из аметистовой ткани. Джорджи ведь не откажется признать, как глупо было бы отказаться от них?

Когда ландо завернуло в парк, Белла выпрямила спину и бросила взгляд на спокойно сидящую рядом Джорджиану. Какой бы скромной девушка ни казалась, на все имела собственное мнение, подумала она. Возможно, Джорджиана заупрямится и не примет платья, сочтя это признаком благотворительности. Белла же не сомневалась, что Доминик одобрил бы такое вложение его денег. Особенно если бы своими глазами увидел Джорджиану в платье из темно-желтого шелка. Ну а Джорджиана должна быть благодарной Доминику и стремиться угодить ему. Белла решила воспользоваться именем брата как весомым аргументом, если в том возникнет необходимость.

– Сегодня днем моя очередь принимать гостей, – сообщила Белла, поспешно вбегая в расположенную на первом этаже гостиную.

Джорджиана подняла голову от журнала, который лениво листала. Нынче утром, облаченная в одно из своих новых платьев – то, что было сшито из нежного голубовато-сиреневого батиста, – она чувствовала себя гораздо увереннее, и элегантность Беллы больше не повергала ее в уныние. Перехватив брошенный на нее Беллой украдкой взгляд, она приглашающе вскинула бровь.

– Нам нужно придумать историю, которую мы станем рассказать, когда люди будут интересоваться твоим здесь пребыванием.

– Как насчет правды? – предложила Джорджиана, не вполне уверенная, что имеет в виду ее подруга.

– Да, разумеется, нужно говорить правду. Но не кажется ли тебе, что открыть всю правду будет неумно?

На лице Джорджианы отразилось смущение, и Белла пояснила:

– Понимаешь ли, если ты сообщишь людям о том, как на самом деле познакомилась с Домиником, тебя могут неправильно понять. К тому же придется рассказать и о Чарльзе тоже. Моя дорогая, если ты в самом деле желаешь найти себе достойное место, не следует упоминать о родстве с подобным человеком.

Белла долго размышляла над тем, как ей лучше поговорить со своей подопечной на эту деликатную тему, и теперь внимательно всматривалась ей в лицо, чтобы понять, как будет воспринят ее намек. Джорджиана нахмурилась. Ее мысли отражались у нее на лице.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, – честно ответила Белла, – что Чарльз – не самая лучшая рекомендация. Разумнее будет просто умолчать о нем. Нам всего-то и нужно, что решить, зачем ты приехала погостить ко мне. Полагаю, разумнее всего будет сказать, что мы познакомились много лет назад в Кэндлвике, еще до твоего отъезда в Италию, и так сдружились, что с тех пор поддерживаем переписку. В таком случае вполне естественно, что, вернувшись в Англию и узнав о смерти дяди, ты решила остановиться в моем лондонском доме. Вполне правдоподобная история, как тебе кажется?

Джорджиана ничего не ответила, и Белла привела решающий аргумент:

– Ты ведь не хочешь поставить Доминика в затруднительное положение, не так ли?

Поставить лорда Элтона в затруднительное положение? Джорджиана не сразу поняла, к чему клонит подруга. Потом в ее сознании всплыло полотно Фрагонара... и образ его светлости, каким она видела его в последний раз.

– Ах.

Ну конечно. Мысленно Джорджиана дала себе хорошую затрещину. Хотя ее визит к лорду Элтону не имел последствий, общество может воспринять все по-иному. Она посмотрела Белле в лицо:

– Я сделаю так, как ты сочтешь нужным. Ни в коем случае не хочу, чтобы у твоего брата из-за меня возникли неприятности.

Удовлетворенная таким ответом, Белла усмехнулась:

– И последнее. Будет лучше, если на этом этапе мы не станем упоминать о твоём желании найти работу. О таких вещах нужно говорить, только когда тебя лучше узнают.

Джорджиана согласно кивнула, вспоминая слова лорда Элтона о том, что его сестра точно знает, как нужно себя вести.

Во второй половине дня на чай заглянули три матроны со своими незамужними дочерьми. Джорджиана так и не сумела понять, какая из юных леди чья дочь. В конце концов, это не имело значения. Что же до матрон, то они благосклонно приняли объяснения Беллы о пребывании в ее доме Джорджианы. Оценив ее и прикинув, составит ли она конкуренцию их дочерям на ярмарке невест, все дамы сочли, что волноваться нет никаких причин: мисс Хартли – совсем не красавица.

Самой Джорджиане с трудом удавалось скрывать веселье. Эти матроны не делали секрета из того, что заняты поиском состоятельных и титулованных зятьев.

Она с удивлением обнаружила, что ей очень трудно поддерживать разговор с юными леди. Привыкшая к обходительным речам итальянских аристократов, среди которых провела большую часть жизни, а также к утонченным, волнообразно протекающим беседам, она никак не могла взять в толк, зачем эти четыре благовоспитанные английские девицы бесконечно глупо хихикают и ухмыляются. Тем не менее Джорджиана удержалась от совершения непростительной ошибки и не попыталась пересечь к матронам. Она стоически перенесла выпавшее на ее долю суровое испытание.

Наблюдающая за своей подопечной Белла радовалась ее уверенности и манере держаться, совершенно несвойственным для девушки ее возраста. Какой бы неискушенной и доверчивой ни была Джорджиана, она вовсе не являлась безмозглой дурочкой, не способной связать и двух слов.

Когда гости уехали, Белла, глядя на Джорджиану, состроила гримасу.

– Неразумные они, да?

Джорджиана сочувственно кивнула, заставив Беллу улыбнуться.

– Они, разумеется, не все такие, но все же вокруг полно невероятно глупых девушек. – Белла на мгновение замолчала, обдумывая свои следующие слова. – Но это и к лучшему, ведь в обществе полным-полно безмозглых мужчин им под стать.

Они понимающе улыбнулись друг другу. Не успели они удобно устроиться с вышивкой на диванах, как вошел Джонсон и объявил:

– Леди Уинтерспун, миледи.

Белла встала. Джорджиана расстроилась, заметив промелькнувшее в голубых глазах подруги смятение. Мгновение спустя в комнату вплыла леди Уинтерспун.

– Белла! Целую вечность тебя не видела! Где же ты пряталась все это время? – воскликнула она резким вибрирующим голосом.

Перенеся объятие и поцелуй в щеку, слегка потрясенная Белла поспешила усадить свою престарелую гостью в кресло. Если судить по возрасту, решила Джорджиана, леди Уинтерспун годится Белле в матери. Кто же она такая?

– Амелия, позвольте представить вам Джорджиану Хартли. Она – моя давняя подруга из деревни. Джорджиана, это моя золовка.

Глядя в чистые серые глаза гостьи, Джорджиана тепло улыбнулась в ответ. Эта дама – сестра лорда Уинсмера!

– Хартли, значит? Хмм. Я, возможно, знала вашего отца, если он тот, о ком я думаю. Художник. Как же его звали? Джимми? Джеймс? Ну, тот, что женился на Лориен Путледж.

Джорджиана кивнула. Ей не терпелось услышать еще что-нибудь о своих родителях. Никогда прежде ей не доводилось встречаться с кем-то, кто был знаком с ними в молодости.

Прочтя светящийся в ее глазах интерес, леди Уинтерспун отрицательно махнула рукой:

– Увы, дорогая, больше мне нечего добавить. Мы не были близкими друзьями. Как я понимаю, ваши родители скончались?

Джорджиана разочарованно качнула головой. Белла поспешила поведать придуманную ими историю, объясняющую присутствие Джорджианы на Грин-стрит. Пока она говорила, леди Уинтерспун не сводила с девушки пронизательного взгляда. Ни Белла, ни Джорджиана так и не поняли, поверила ли она их словам или нет.

– Пфф! – Это восклицание стало единственным ответом, которым она их удостоила.

Последовало минутное молчание, во время которого и хозяйка дома, и ее протеgee отчаянно старались придумать какую-нибудь тему для беседы. Леди Уинтерспун произнесла:

– Смеею заметить, вы произведете фурор. И не только в общепринятом смысле слова. Но это вовсе не так плохо в ваших обстоятельствах.

Джорджиана сочла эти слова за комплимент и улыбнулась.

По губам леди Уинтерспун скользнула улыбка, и она повернулась к Белле:

– Но я вовсе не за этим пришла, Белла. Тебе нужно поговорить со своим братцем. Элейн Чэнгли слишком много на себя берет. Всем своим видом она, не стесняясь, намекает, что скоро станет виконтессой Элтон. – Леди Уинтерспун фыркнула.

Нахмурившись, Белла прикусила губу и опасно посмотрела на Джорджиану, но та ничего не заметила, обдумывая заявление леди Уинтерспун.

– Если бы я только знала, что это случится, то настояла бы на том, чтобы Артур разорвал с ним отношения. Элейн Чэнгли! Она же... – Тут Амелия Уинтерспун вспомнила о присутствии Джорджианы, внимательно смотрящей на нее ореховыми глазами, и замолчала. – В общем, ты поняла, что я имею в виду, – добавила она, глядя на Беллу.

Радуюсь этому перерыву в тираде золовки, Белла грациозно опустилась на диван.

– Амелия, вам же отлично известно, что я никак не могу повлиять на Доминика.

– Вот еще! Конечно же ты можешь на него повлиять, стоит только захотеть.

Белла слегка покраснела.

– Уверю, что разделяю ваше беспокойство касательно леди Чэнгли, но говорить о ней с Домиником не могу.

– Не стоит эта женщина того, чтобы ты из-за нее краснела! Так и запомни. Бледный же ты будешь иметь вид, если, проснувшись однажды утром, обнаружишь, что она стала твоей невесткой.

Леди Уинтерспун поднялась с кресла.

– Мне нужно идти. Я просто хотела сообщить, что тебе нужно с большим вниманием отнестись к этому делу. – Взглядом серых глаз она словно припечатала Беллу к полу.

Несмотря на владеющую ею досаду, Белла не смогла сдержать ухмылки. Она также встала.

Леди Уинтерспун кивнула Джорджиане:

– Увидимся в «Олмаке»[З - «Олмак» – социальный клуб в Лондоне для аристократов, существовавший в период с 1765 по 1871 г., куда допускались как мужчины, так и женщины.], дорогая. – Повернувшись к Белле, она добавила: – Я попрошу Эмили отправить вам приглашения.

– Благодарю, – с изумлением в голосе ответила Белла, забывшая о том, что леди Уинтерспун может повлиять на некоторых из покровительниц этого клуба. Она пошла провожать золовку.

Вернувшись пару минут спустя, Белла обнаружила Джорджиану смотрящей в пространство. Намеренно громко захлопнув дверь, она вывела ее из задумчивости.

– Что ж! – подчеркнуто оживленным тоном воскликнула она. – Попасть в «Олмак» без необходимости очаровывать одну из его патронесс – это прекрасно! Мы отправимся туда сразу же, как только леди Коупер пришлет нам приглашения.

– Разумеется, – согласилась Джорджиана.

Белла поняла, что мысли ее protegee заняты чем-то еще... тем, чем она не готова с ней поделиться.

Глава 3

Белла услышала, как открылась и снова закрылась дверь ее будуара, но не обернулась, поглощенная нанесением румян на скулы с помощью заячьей лапки. В зеркале она увидела, как Хиллз кротко присела в реверансе и вышла. Довольная наконец своим внешним видом, Белла развернулась:

– Артур... О! Доминик!

Она поспешно вскочила со стула и бросилась к брату.

Полусмеясь-полухмурясь, Доминик остановил ее, воскликнув:

– Нет! Держи себя в руках, сорвиголова! Что подумает степенный Артур? Кроме того, я не могу допустить, чтобы ты, как в прошлый раз, погубила мой шейный платок.

Белле пришлось удовольствоваться рукопожатием.

– Благодарю тебя, дорогой Доминик, за то, что направил ко мне Джорджи! Мы прекрасно проводим время вместе! – Белла заставила его наклониться, чтобы по-сестрински чмокнуть в щеку.

Доминик стоически перенес эту ласку и, воспользовавшись моментом, окинул Беллу внимательным взглядом:

– Значит, вы с мисс Хартли поладили?

– Именно! – Белла села, взметнув вихрь своими широкими атласными юбками. – Кто бы мог подумать, что ты... – Она запнулась, прикусив губу.

Черные брови Доминика удивленно поползли вверх. В его глазах появился опасный блеск, но голос оставался мягким, когда он произнес:

– Что я?...

Покраснев, Белла отвернулась к своему туалетному столику, шурша юбками, и принялась переставлять баночки с румянами. Смотреть ему в глаза она избегала.

– Что ты поведешь себя столь благоразумно, раз уж тебе так нужно знать. Судя по тому, что я слышала, на протяжении многих недель – это твой первый достойный похвалы поступок!

– Недель? – Доминик снова надменно вздернул брови и целых десять секунд обдумывал слова сестры. – Скорее уж лет, судя по тону твоего голоса.

В его словах звучала усталость, и удивленная Белла украдкой взглянула в зеркало. Именно в этот момент Доминик и сам в него посмотрел, пригвоздив сестру к месту своими холодными голубыми глазами.

– Что ж, дорогая сестричка, советую тебе не слушать сплетни – ни обо мне, ни о ком другом, раз уж на то пошло.

Белла округлила глаза, рассудительно воздержавшись от возражений. Доминик был на десять лет старше и в годы, предшествующие ее замужеству, выступал в качестве ее наставника, причем невероятно строгого. Белла ожидала новых едких упреков со стороны брата, но он отвернулся. На его прекрасном лице застыло отстраненное выражение. Для Беллы этот задумчивый взгляд был еще страшнее, чем порицания Амелии. Доминик ведь не может относиться всерьез к Элейн Чэнгли?

Она ждала, но он ничего не добавил. Наконец, набравшись мужества, она спросила сама:

– Ты останешься на ужин?

Он вскинул голову.

Белла крутила в руках щетку для волос.

– Потом мы с Джорджи отправляемся в «Олмак», так что не бойся, тебе не придется ждать в моей гостиной.

Это заявление вызвало на губах Доминика улыбку и прогнало отрешенный взгляд, так взволновавший Беллу. Все же она была уверена, что он откажется.

– Почему бы и нет? – вполголоса пробормотал он, немного поколебавшись.

Так как вопрос был сугубо риторическим, Белла не сделала попытки на него ответить.

Пожав плечами, Доминик очаровательно улыбнулся.

– Раз уж ты приглашаешь, дорогая сестричка, я останусь. Будет интересно встретиться с моей... protegee.

Белла протянула руку к шнуру колокольчика, чтобы позвать Хиллз, а Доминик тем временем принялся рассматривать в монокль стоящий рядом стул. Уверившись в том, что этот изящный предмет выдержит его вес, он осторожно присел.

– Как это тебе удалось так скоро заполучить приглашения на ярмарку невест?

– Ах, мне чрезвычайно повезло!

Белла с радостью ухватилась за возможность перевести разговор в более безопасное русло, надеясь, что тогда брат быстрее забудет о ее вмешательстве в его личную жизнь. Доминик никогда не позволял ей предлагать подходящих, по ее мнению, кандидатов на роль виконтессы Элтон. Кроме того, она давно уяснила, что любое упоминание о его любовницах, прошлых, нынешних или потенциальных, неминуемо закончится для нее строгим выговором. Однако после предупреждения Амелии и собственной оплошности она чувствовала, что должна хотя бы попытаться поднять эту тему.

Хиллз сообщила Джонсону о необходимости добавить на стол еще один прибор, после чего вернулась уложить Белле волосы в элегантную прическу. Сама Белла тем временем рассказывала брату последние новости о Джорджиане Хартли, украдкой наблюдая за отражением его лица в зеркале. Доминик спокойно сидел, внимательно изучая собственные ногти и почти не обращая внимания на ее повествование. Это отсутствие интереса встревожило Беллу. Она, конечно, не ожидала, что Доминик будет всерьез обеспокоен благополучием Джорджианы, ведь он едва с ней знаком, да и она не относится к типу женщин, способных привлечь его внимание. Все же его сосредоточенность исключительно на себе самом показалась Белле необычной и тревожащей, намекающей на существование иной, более весомой причины, занимающей его мысли. Женитьба, например. Но ведь он, разумеется, не остановит свой выбор на Элейн Чэнгли?

Наконец, Белла с облегчением встала из-за туалетного столика. В обществе Доминика время пролетело незаметно, и час уже поздний. Под руку с братом она спустилась по широкой лестнице и вошла в гостиную.

Джорджиана разговаривала с Артуром. Догадавшись по его лицу, что случилось что-то непредвиденное, она повернулась и в очередной раз без всякого

предупреждения оказалась плененной взглядом голубых глаз лорда Элтона.

Тех самых глаз, что преследовали ее в сновидениях.

Для Джорджианы это определенно стало *dejà vu* [4 - Уже виденное (фр.)]. Она забыла, что нужно дышать, сердце тревожно забило в груди, а поле зрения сузилось до размеров его мужественного лица. Постепенно девушка заметила его безукоризненный вечерний костюм, а также и то, как его черные кудри изящно обрамляют голову. Шейный платок лорда Элтона был сколот булавкой с сапфировой головкой, васильково-синий цвет которой прекрасно гармонировал с оттенком его глаз.

К счастью, Артур сделал шаг вперед, чтобы поприветствовать гостя.

Самое худшее осталось позади. К Джорджиане вернулось привычное самообладание, и она снова стала вести себя как ни в чем не бывало. Тут лорд Элтон взял ее за руку. Прикосновение его ладони было прохладным и мягким. Улыбнувшись, он отвесил ей элегантный поклон.

– Мисс Хартли, вот мы и встретились вновь. Надеюсь, Белла не слишком утомила вас своей бурной деятельностью?

К досаде Джорджианы, ее язык будто прилип к небу, а голос предательски дрожал, когда она выдавила из себя едва слышное:

– Разумеется, нет, милорд.

Она не могла уразуметь, что с ней происходит.

К счастью, в этот момент в комнату вошел Джонсон с сообщением о том, что ужин готов. Внутренне Джорджиана вздохнула от облегчения, которое, впрочем, тут же сменилось тревогой – она узнала, что лорд Элтон останется ужинать у сестры. И его конечно же посадили напротив нее. Во время трапезы Джорджиана совсем не обращала внимания на еду. Все ее силы уходили на то, чтобы заставлять себя не смотреть в упор на лорда Элтона, но это удавалось далеко не всегда. Артур, сам того не ведая, пришел ей на помощь, заведя разговор о политике. Он вовлек своего шурина в детальное обсуждение

«Хлебных законов»[5 - «Хлебные законы» – общее название законов, регулировавших в XV–XIX вв. ввоз и вывоз зерна и сельскохозяйственных продуктов; охраняли интересы землевладельцев; усугубляли бедственное положение масс в период «Голодных сороковых годов»; были отменены в 1846 г.], предоставив им самим себе.

Видя, что Белла занята собственными мыслями, Джорджиана сидела, глядя себе в тарелку. Одно блюдо сменялось другим, джентльмены продолжали дискутировать, и раздражение Джорджианы нарастало. Она признавала, что ее неловкое поведение в гостиной едва ли было располагающим, но все же лорд Элтон мог хотя бы пару раз обратиться к ней с каким-нибудь замечанием. Но возможно, в Англии не принято разговаривать через стол, даже находясь в кругу семьи.

Когда перед Беллой поставили десерт, она стряхнула с себя задумчивость и, обведя взглядом присутствующих, заметила, что ее муж и брат затеяли нуднейший разговор, бросив бедняжку Джорджиану скучать в одиночестве. Белла едва не призвала их вспомнить о хороших манерах, но тут сообразила, что на протяжении прошедшего часа ни один из них не мешал ей предаваться раздумьям и не поинтересовался даже, что же столь сильно занимает ее мысли. Так как Белле совсем не хотелось в очередной раз навлечь на себя гнев брата, она обратилась к Джорджиане:

– Понимаете теперь, что значит ужинать *en famille*[6 - По-семейному, в кругу семьи (фр.).] в Уинсмер-Хаус? Это то же самое, что метать бисер перед свиньями, моя дорогая. Мы хотим, чтобы нас очаровывали приятной беседой, а у них на уме только политика. – Она сверкнула глазами, бросив взгляд на мужа, сидящего напротив нее во главе стола.

Ничуть не смущенный ее гневной тирадой, Артур улыбнулся.

– В действительности я удивлен, что вы еще здесь. Я полагал, вы собираетесь ехать в «Олмак» сегодня вечером.

Белла посмотрела на часы, мирно тикающие на буфете:

– Святые небеса! Я и не представляла, что уже так поздно! Джорджи, нам нужно спешить. Идем же. Оставим наших милейших джентльменов наслаждаться

портвейном в одиночестве.

Видя, что она встает из-за стола, мужчины тоже поднялись.

Джорджиане волей-неволей пришлось сделать то же самое. Она не смогла побороть искушения бросить прощальный взгляд на высокую фигуру лорда Элтона и заметила, что и он смотрит на нее. Это привело ее в смущение. Но на его лице было написано лишь вежливо-отстраненное выражение. Доминик кивнул ей учтиво, но отрешенно.

Когда леди покинули комнату, Артур обратился к своему шурину:

– Если у тебя есть время, мне хотелось бы узнать твое мнение о том, как лучше вести себя при сложившихся обстоятельствах.

Доминик слегка вздрогнул, будто уже перестал размышлять над политическим вопросом, который они обсуждали в течение последнего часа.

– Ну конечно. – Он улыбнулся привычной сонно-скучающей улыбкой. – Разумеется, я буду только рад.

Артур рассмеялся, не поддавшись на уловку.

– Это означает, что ты предпочел бы сейчас оказаться в каком-нибудь ином месте и говорить на другие, более воодушевляющие темы, но не хочешь обидеть меня, своего хозяина. Ты отличный игрок, Доминик. В самом деле, зачем тебе попусту растрачивать свои таланты?

Повинуясь невысказанной договоренности, мужчины двинулись к двери. Доминик вяло взмахнул рукой, отчего драгоценный сапфир в его булавке засверкал на свету.

– Возможно, мои... э-э-э... таланты, как ты изволил выразиться, столь незначительны, что можно назвать их бесполезными.

Артур удивленно фыркнул.

– Бесплезными? Кто, как не ты, осмелился вообще поднять этот вопрос в присутствии Принни?[7 - Принни – прозвище принца-регента, уменьшительное от «принц».]

Войдя в библиотеку, они зашагали к двум стоящим у камина большим креслам.

– Затрагивание вопроса и получение поддержки его светлости – это совсем не одно и то же.

Доминик расположился в кресле и с усталым вздохом вытянул перед собой длинные ноги. Артур посмотрел на него в упор:

– Ты же знаешь, что этого вовсе и не требуется. До тех пор, пока его светлость осведомлен о том, как идут дела. Этого будет более чем достаточно.

Артур налил в хрустальный бокал своего лучшего выдержанного портвейна и протянул его Доминику, после чего опустился в кресло напротив.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь тиканьем больших напольных часов в углу да потрескиванием поленьев в камине. От Артура, на протяжении всего ужина наблюдающего за своим шурином, не укрылось скованное выражение, появляющееся на его лице всякий раз, как он смотрел на Джорджиану Хартли. Сейчас Артур хранил молчание, терпеливо ожидая, чтобы Доминик начал разговор первым. Он ни секунды не сомневался, что что-то назревает.

Наконец Доминик посмотрел Артуру в лицо:

– Эта мисс Хартли, которую я к вам направил... надеюсь, не вызвала твоего порицания?

Артур покачал головой:

– Джорджиана – как раз такая девушка, которая нужна Белле. Искренне благодарю тебя за нее.

Черные брови Доминика взлетели вверх.

– Это самое меньшее, что я мог сделать.

Уже не в первый раз за вечер выражение его лица сделалось отрешенным. У Артура, изо всех сил старающегося подавить улыбку, дрогнули губы.

Наконец Доминик сконцентрировался настолько, чтобы сказать:

– Белла жаловалась, что мисс Хартли упорствует в своем стремлении найти место компаньонки. Сестра опасается также, что мисс Хартли может начать действовать самостоятельно. Этого никак нельзя допустить.

Артур серьезно кивнул:

– Полностью согласен. Мое мнение о характере Джорджианы совпадает с заключением моей жены. – Соединив вместе кончики пальцев рук, он стал смотреть на огонь поверх этой конструкции. – Джорджиана явно не привыкла рассчитывать на милость других людей. Полагаю, ей некомфортно жить в нашем доме за наш счет. Она располагает какими-то деньгами, но, как мне кажется, солидного состояния у нее нет. Она спрашивала мое мнение о том, как лучше заняться поиском работы. Я дал ей уклончивый ответ, который, надеюсь, сдержит ее на некоторое время. К счастью, ее длительное проживание за пределами Англии позволяет разговаривать с ней вроде бы и логично, но при этом не вдаваясь в подробности. Однако, – продолжил он, улыбаясь Доминику, – за скромной внешностью скрываются недюжинная сила и мужество. Насколько я могу судить, весь путь до Англии она проделала в сопровождении всего лишь двух слуг, что само по себе является большим подвигом. Не думаю, что нам удастся долгое время потчевать ее отговорками.

От таких слов Доминик сделался мрачнее тучи. Пряча ухмылку, Артур поинтересовался:

– У тебя имеются на этот счет какие-то идеи?

Все еще хмурясь, Доминик покачал головой, потом посмотрел на Артура.

– А у тебя?

– Вообще-то да. – Расправив плечи, Артур приготовился объяснять, задумчиво глядя на шурина серыми глазами. – Белле, разумеется, нужно чем-то себя занять, а это означает, что ей требуется компаньонка. Можешь себе представить, что она мне ответит, если я предложу нанять кого-то?

Лицо Доминика просветлело.

– Белла старательно помогала Джорджиане, за что та ей искренне благодарна. Вот я и решил переговорить с Джорджианой с глазу на глаз и предложить ей стать компаньонкой моей жены. Ну а чтобы пощадить чувства Беллы, это соглашение должно будет сохраняться в тайне. Для всех прочих, включая и слуг в доме, она по-прежнему будет считаться гостьей. – Артур вопросительно вскинул брови. – Что думаешь о моем плане?

Доминик усмехнулся:

– Прекрасный план. Как полезно уметь применять свои таланты к иной сфере, кроме политики. – Его усмешка превратилась в искреннюю улыбку. – Неудивительно, что в своей нынешней ипостаси ты просто бесценен.

Артур с улыбкой склонил голову:

– Как скажешь. – Он бросил внимательный взгляд на шурина и едва заметно пожал плечами. – Переговорю с Джорджианой утром. Ну а с твоей стороны, полагаю, было бы мудро проследить, чтобы она не слишком усердствовала на этот счет сегодня вечером.

– Благодарю вас, милорд.

Джорджиана сделала реверанс, после чего молодой лорд Мортлейк удалился. По крайней мере, танцует он прекрасно.

Она раскрыла свой веер и энергично принялась им обмахиваться. Просторные и скудно меблированные комнаты клуба «Олмак» были до отказа забиты мужчинами и женщинами, облаченными в шелка и атлас всех мыслимых оттенков. День выдался не по сезону теплым, а вечер из приятного быстро

превратился в удушающе жаркий. Воздух в помещении был густым, точно кисель, и страусиные перья в прическах дам опадали. Заметив проплывающую мимо невероятно самоуверенную красавицу, украсившую головной убор парой красновато-коричневых перьев, которые почти совсем сломались, Джорджиана не сумела сдержать ухмылки, но вовремя прикрылась веером.

Она скользила взглядом по людской толпе. За исключением стоящей рядом с ней Беллы, вполголоса разговаривающей с пожилой матроной, и тех немногих людей, с кем Белла уже успела ее познакомиться, она никого из присутствующих не знала. Судя по всему, ни одна из дам в компаньонке не нуждалась.

Рассматривая мелькающие перед глазами разноцветные туалеты, Джорджиана улыбнулась собственной непритязательной элегантности. По сравнению с одеждой других ее шелковое платье аметистового цвета, сшитое Фэнкон, казалось совсем простым и незамысловатым. Оно имело строгий силуэт и не было украшено ни оборками, ни чем иным. На шее Джорджианы мягко поблескивала единственная нитка жемчуга, унаследованная от матери. Если изначально девушка сомневалась в своем внешнем виде, то теперь была вполне им довольна.

Размышления о туалетах напомнили о сделанном ею недавнем открытии и последовавшем вслед за тем споре с Беллой. Ну как можно было принять от нее в подарок платье из газовой ткани цвета морской волны и темно-желтого шелка, и без того находясь перед ней в неоплатном долгу? Все же нельзя было отрицать, что самой Белле эти наряды совершенно не к лицу. В настоящее время оба висели у Джорджианы в шкафу, потому что ей так и не удалось убедить Беллу запаковать их и вернуть обратно. И что ей теперь с ними делать?

Тут Джорджиане в голову пришла мысль, что, если бы нынче вечером она была одета в платье из темно-желтого шелка, лорд Элтон обратил бы на нее гораздо больше внимания. Джорджиана безжалостно растоптала эту идею. Она пришла сюда для того, чтобы найти себе работу, а не глазеть на лордов. Виданное ли это дело, чтобы лорд Элтон заинтересовался ею, ничем не примечательной деревенской девушкой, которая даже не чувствует себя в Англии как дома?

Удрученная этой мыслью, а также и тем, что еще не предприняла никаких попыток найти себе работу, Джорджиана с удвоенным вниманием стала осматривать пеструю толпу гостей. Время от времени ее взгляд останавливался на напудренном парике, принадлежащем представителю прошлого поколения.

Возможно, кто-то из них захочет нанять ее?

– Эй, девушка! Джорджиана, правильно? Иди-ка сюда, помоги мне сесть на стул.

Обернувшись, Джорджиана увидела стоящую рядом с собой леди Уинтерспун, опирающуюся на трость. Проследив направление ее взгляда, Амелия рассмеялась.

– Я пользуюсь ею только по вечерам, чтобы получать самые лучшие места.

Улыбнувшись, Джорджиана послушно взяла ее светлость под руку. Заняв стоящий у стены позолоченный стул, леди Уинтерспун жестом велела Джорджиане сесть рядом.

– Не выношу этот клуб. Слишком много бездумных разговоров оказывает плохое воздействие на мой мозг.

Джорджиана ощутила на себе острый оценивающий взгляд ее светлости. Ей стало интересно, выдержала ли она эту проверку.

На губах Амелии Уинтерспун появилась кривоватая усмешка.

– Так я и думала. Совсем не общепринятый стиль.

Она замолчала, и Джорджиана решила, что та вспоминает приемы давно минувших дней, даваемые при свечах, установленных в роскошных подсвечниках. Тут пожилая дама снова внимательно посмотрела ей в лицо:

– Ты уже достаточно взрослая, чтобы выслушать мой совет и отнестись к нему со всей серьезностью. Ты вовсе не красавица, но и не уродина. Ты просто другая – и не только потому, что твоя внешность не соответствует нынешней моде. Самыми успешными женщинами, когда-либо вступавшими под эти своды, являлись те, кто не страшился быть самими собой.

– Самими собой?

– Самими собой, – с нажимом повторила ее светлость. – Это значит, что они не смотрят на окружающих свысока и не притворяются теми, кем на самом деле не являются. К счастью, тебе эта опасность не грозит. Не пытайся копировать английских мисс или избавиться от окутывающей тебя нездешней ауры – ее нужно превратить в свое преимущество. Все, что тебе требуется для того, чтобы преуспеть, – улыбаться и хорошо проводить время. Остальное приложится.

– Но... – начала было Джорджиана, решая, стоит ли объяснить сложившуюся ситуацию сестре Артура. Возможно, она поможет ей подыскать подходящее место?

– Никаких но, девушка! Начинай действовать! Нет смысла попусту растрчивать жизнь, стоя у стенки и наблюдая за другими. Начинай веселиться. – Леди Уинтерспун указала своей тростью на танцевальную площадку. – Ну, иди!

Вместо того чтобы обидеться на столь прямолинейное отношение, Джорджиана улыбнулась, а потом и вовсе рассмеялась. Леди Уинтерспун ободряюще кивнула ей. Встав со стула, Джорджиана присела перед ее светлостью в реверансе и, продолжая улыбаться, растворилась в толпе. Она направлялась к тому месту, где прежде стояла Белла.

Но Беллы там не оказалось.

Озадаченная Джорджиана остановилась и стала думать, как ей поступить дальше. Можно вернуться и посидеть с леди Уинтерспун, но та, вероятно, ее прогонит. Джорджиана была не сильна в познаниях о нравах, царящих в английском высшем обществе, но подозревала, что не стоит бродить в одиночестве по залам «Олмака». Она нахмурилась.

В ее сознании снова зазвучал мощный голос леди Уинтерспун:

– Начинай веселиться!

Джорджиана подняла голову. Итальянскому обществу она была представлена в возрасте шестнадцати лет, так неужели же в зрелые восемнадцать она пропадет на этом обычном английском приеме? Мысленно она укутала себя плащом уверенности, который, как утверждали престарелые заказчицы ее отца, является визитной карточкой настоящей леди, и неспешным, размеренным

шагом отправилась на поиски Беллы, стараясь казаться достойной и спокойной и не забывая улыбаться.

Медленно продвигаясь по залу между группками гостей и осматриваясь по сторонам, она ловила обрывки разговоров:

- А вы видели эту Эмму Мичинфорд? Как она выпучила глаза...

- Ну, нам всем отлично известно, что он задумал!

- Она такая печальная, правда?

- Ни к чему это не приведет, помяните мои слова! Мужчины вроде него...

Язвительные, жалящие, колкие замечания слились в единый невнятный хор, характерный, как подозревала Джорджиана, для этого клуба. Она заулыбалась еще шире.

- Ой! - воскликнула девушка, задев локтем шедшего навстречу джентльмена. - Мне очень жаль. Прошу вас, простите меня.

- Охотно, дорогая, если вы скажете мне, что в этом «Олмаке» такого интересного.

Протяжный голос кланяющегося ей мужчины был лишен угрозы. На мужчине был аккуратный и весьма строгий костюм: синий сюртук отличного покроя, на атласных бриджах - ни складочки. Каштановые волосы, остриженные модно, но без намека на развязность, обрамляли приятное лицо. Ничто не портило элегантной внешности этого джентльмена.

Видя, что он с любопытством ожидает ее ответа, и памятуя о наставлении леди Уинтерспун, Джорджиана честно произнесла:

- Проходя мимо, я услышала обрывки разговоров. Все они, - она склонила голову набок, подбирая подходящие слова, - довольно узконаправленные, если понимаете, что я имею в виду.

По губам джентльмена скользнула ухмылка.

– О да, я отлично понимаю, что вы имеете в виду, мисс?...

– Хартли, Джорджиана Хартли, – с опаской ответила она, решив не сходить с выбранного пути. – Я гостя леди Уинсмер, а теперь, похоже, потеряла ее в толпе.

– А, красавица Белла. Кажется, она стояла у двери, поглощенная беседой с леди Дакуорт. Позвольте проводить вас к ним.

Джорджиана положила свою затянутую в перчатку ладонь на его руку. Раз уж сегодня вечером ей суждено пройти по залам «Олмака» в сопровождении какого-нибудь джентльмена, то пусть им будет этот. Он не представился, но чувствовал себя здесь совсем как дома.

– Из ваших слов я заключил, что вы едва ли не насмехаетесь над назначением этого великого места, но при этом, безусловно, желаете извлечь некую собственную выгоду из своего здесь пребывания?

К подобного рода разговорам Джорджиана была приучена.

– Как вы верно заметили, я действительно собираюсь извлечь выгоду для себя, но совсем не такую, как вы могли бы подумать.

Некоторое время ее спутник обдумывал эти слова, прежде чем продолжить:

– Если это означает, что вы не охотитесь за состоятельным и титулованным женихом, то какой вам прок от пребывания здесь?

– Очень большой. Я как раз начала претворять свой замысел в жизнь, когда столкнулась с вами.

Джентльмен немного помолчал, затем тяжело вздохнул.

– Хорошо, признаю, вы повергли меня в замешательство. Что же такого особенного нашли вы в этих тусклых серых стенах?

Джорджиана улыбнулась и, сверкая глазами, пояснила:

– Развлечение, конечно. Я наслаждалась своим здесь пребыванием.

Она осознала, к собственному удивлению, что говорит искренне. Заглянув в серые глаза собеседника, девушка прочла в них изумление.

– Развлечение? В «Олмаке»?

Джорджиана рассмеялась:

– Разумеется. Я и сейчас развлекаюсь. А вы разве нет?

Джентльмен остановился как громом пораженный. На его лице отражалась забавная смесь ужаса и веселья.

– Чудовищно! Мне никогда не удастся искупить своей вины. – Черты его лица разгладились, и он одарил Джорджиану искренней улыбкой. – Идемте, мисс Хартли, я отведу вас к леди Уинсмер. Вы представляете собой слишком мощную силу, которую нельзя надолго оставлять без присмотра.

Довольная собой, Джорджиана прошествовала под руку с пожелавшим остаться неизвестным джентльменом через толпу, которая, как она заметила, расступается перед ними. Еще до того, как увидела удивленное лицо Беллы, она стала задаваться вопросом, кто же он такой. Все же она решила, что ей не о чем волноваться. Кем бы этот мужчина ни был, никаких вольностей он себе не позволял.

Белла присела перед ним в реверансе и оживленно заговорила, но никакого имени так и не прозвучало. Сказав Джорджиане на прощание *sotto voce* [8 - Вполголоса (ит.)]: «Интересно, куда же вы отправитесь развлекаться в следующий раз?», этот правильный во всех отношениях джентльмен удалился.

Джорджиана повернулась к Белле, но не успела и рта раскрыть, как та восторженно прошептала:

- Джорджи! Как тебе это удалось?

- Удалось что? Кто он такой? - Джорджиана также перешла на шепот.

- Как кто? Разве ты не знаешь? - Белла недоверчиво посмотрела сначала на подругу, затем на удаляющуюся элегантною спину.

- Нет. Нас никто друг другу не представил. Я просто толкнула его в толпе и извинилась.

Белла принялась яростно обмахиваться веером.

- Великий боже! Он же мог тебя испепелить!

- Испепелить? Да кто же он, ради всего святого, такой?

- Бруммель! Джордж Бруммель![9 - Джордж Бруммель - Красавчик Бруммель (Beau Brummel) - джентльмен, светский лев, законодатель мод и первый денди лондонского высшего общества первой половины XIX в.] Один из признанных законодателей моды. - Оценив посплетничав на Джорджиану, Белла заключила: - Что ж, судя по всему, ты ему понравилась. Какое облегчение! Я не знала, что и подумать, увидев тебя в его обществе. Он может быть весьма жестоким, знаешь ли.

Джорджиана, ощутив на себе завистливые взгляды окружающих, уверенно улыбнулась.

- Тебе не о чем волноваться. Мы просто наслаждались обществом друг друга.

В ответ на недоуменный взгляд Беллы Джорджиана рассмеялась.

- Доброй ночи, Джонсон.

- Доброй ночи, милорд.

Дверь Уинсмер-Хаус мягко закрылась за Домиником. Ночь была теплой, но низкие раскаты грома в отдалении предвещали скорую смену погоды. В любом случае Элтон-Хаус находился на Гросвенор-сквер всего в пяти минутах ходьбы отсюда. Покачивая своей тонкой тростью из черного дерева, Доминик зашагал на Ноф-Одли-стрит.

Вечер, проведенный в гостях у сестры, оставил привкус недовольства, которое он никак не мог объяснить. Доминик специально заехал в Лондон по дороге в Брайтон, чтобы проверить, как устроилась мисс Хартли, или, если быть совсем точным, чтобы удостовериться, оправились ли Артур и Белла от ее неожиданного вторжения. К счастью, все вышло как нельзя лучше. Затея Артура позволит Джорджиане Хартли провести с Беллой малый сезон, который должен вот-вот начаться. Оставалось только надеяться, что во время его она получит хотя бы одно брачное предложение. Эта девушка, конечно, не блестящая партия, но все же вполне достойный вариант для человека менее аристократического происхождения, а таких в высшем обществе очень много. Доминик лично проверил генеалогическое древо Джорджианы Хартли и нашел его безукоризненным. Да, весьма вероятно, что скоро эта девушка будет обручена, что является гораздо более предпочтительным, чем поступить компаньонкой к какой-нибудь пожилой даме.

Двигаясь на юг, на Ноф-Одли-стрит, Доминик усмехнулся. Как это похоже на Артура – найти идеальное решение проблем этой девушки. А заодно и Беллы. Все кусочки головоломки встали на свои места, а значит, и сам он должен испытывать чувство довольства собой. Но вместо этого Доминик ощущал необычное раздражение. Он перестал улыбаться и нахмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Честное намерение; добросовестность (лат.).

2

Протеже, подопечная (о женщине) (фр.).

3

«Олмак» – социальный клуб в Лондоне для аристократов, существовавший в период с 1765 по 1871 г., куда допускались как мужчины, так и женщины.

4

Уже виденное (фр.).

5

«Хлебные законы» – общее название законов, регулировавших в XV–XIX вв. ввоз и вывоз зерна и сельскохозяйственных продуктов; охраняли интересы землевладельцев; усугубляли бедственное положение масс в период «Голодных сороковых годов»; были отменены в 1846 г.

6

По-семейному, в кругу семьи (фр.).

7

Принни – прозвище принца-регента, уменьшительное от «принц».

8

Вполголоса (ит.).

9

Джордж Бруммель – Красавчик Бруммель (Beau Brummel) – джентльмен, светский лев, законодатель мод и первый денди лондонского высшего общества первой половины XIX в.

Купить: https://tellnovel.com/lourens_stefani/velikosvetskaya-dama

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)